

# Исландская карта

**Автор:**

[Александр Громов](#)

Исландская карта

Александр Николаевич Громов

Исландская карта #1

Новый остросюжетный роман популярного фантаста Александра Громова написан в жанре альтернативной истории и «альтернативной географии».

К началу двадцать первого века императорская Россия, процветающее патриархальное государство, занимает одно из ведущих мест в мировой политике, споря за глобальное влияние с Великобританией, Францией, Германией и другими развитыми европейскими державами. А Америки просто нет – ни Северной, ни Южной: от западных до восточных пределов Евразии простирается один огромный океан...

Граф Николай Николаевич Лопухин, тайный агент Третьего отделения, получает личный приказ императора – сопровождать наследника престола, направляющегося с официальным визитом в Японию. В ходе плавания Лопухину удастся раскрыть международный заговор с целью устранения наследника. Теперь осталось только расстроить планы злоумышленников – в открытом море, без поддержки русского флота, под дулами корабельных орудий исландских пиратов, у которых появился новейший неуязвимый суперлинкор...

Александр Громов

Исландская карта

## Пролог

Корабли шли на запад.

Их было три – две каравеллы, названные в честь известных в Палосе куртизанок, и одна каракка, чье имя пришлось переменить. Негоже Адмиралу моря Океана пускаться в великое предприятие на борту посудины с названием «Гальега».[1 - «Галисийка». (Здесь и далее – прим. авт.)] Владелец ломался, не желая давать каракке имя Пречистой Девы. Под нажимом уступил, ворча, что над ним будут смеяться во всех портах от Бадалоны до Сантандера. Да кому он нужен, этот баск Хуан де ла Коса! Право, в случае его отказа было бы даже неловко затруднять Святую Инквизицию разбором мелких предрассудков мелкого человечешки...

А смеяться не станут. Как только из дымки на горизонте смутно проступят берега Катая или Сипанго, смех будет каким угодно, только не глумливым. И уж тем более когда корабли вернутся в Испанию с трюмами, полными золота, пряностей и азиатских диковин!

Так будет. Обязательно. Иначе зачем он восемь лет кряду вдохновлял, упрасивал, торговался, интриговал при дворе Фердинанда и Изабеллы? Чего ради доказывал в ученых диспутах то, что было очевидно еще Аристотелю? С какой стати потратил зрелые годы единственной – никто не даст другую – жизни на подготовку к великому делу, казавшемуся многим странной причудой, если не ловким жульничеством? Для чего унижался, вызывая насмешки пустоголовой золоченой знати, умолял, доказывал, жил на подачки?

Дело того стоило. Восемь лет – срок большой, но сделано, пожалуй, все, что можно. Титаническими усилиями и бесконечным терпением перевернут огромный замшелый валун, дальше он покатится под уклон сам собой, лишь подтолкни его легонько...

Так верилось.

Неужели ошибка?

Высокий сорокапятилетний человек сидел, сгорбившись, в каюте, больше похожей на конуру. Сквозь крохотное окошко виден был пенный след за кормой «Санта-Мари». В кильватер шли «Пинта» и «Нинья». Океан слепил бликами. Было жарко. Адмирал расстегнул на груди роскошный камзол, швырнул на грубый дощатый стол шляпу с пером. Лицо, когда-то приятное, загорело дочерна и обветрилось. Тяжелые думы прибавили морщин. В рыжеватой шевелюре прочно поселилась седина.

Неужели ошибка?!

Не может быть. Нет и нет. Неточность – да, но ошибки быть не может. Святая Дева не допустит.

Вечерело. Огромный диск солнца клонился к закату, чтобы погаснуть в море Мрака. Подходил к концу тридцать восьмой день плавания на запад.

Господь Вседержитель, спаси и защити! Не дай пропасть великому делу, совершаемому во имя Твое! Позволь рабу Твоему довести до конца начатое! Вразуми неразумных, укрепи малодушных, покарай непослушных десницею Твоею!..

Адмирал молился.

Молитва короткая, но жаркая, от чистого сердца. Сказано «амен» – и полегчало на душе. Но тяжелые мысли никуда не делись.

Что было не доделано там, в Испании? Что было сделано не так? Быть может, следовало умерить требования, выторговав взамен большее – ощутимую поддержку короны?

Нет, ошибки не было. Все равно пришлось бы пускаться в плавание с теми моряками, что есть. Нет лучших моряков у Арагона и Кастилии. В Португалии они есть, но король Жуан счел непомерными требования безвестного гемуэзца...

Дело прошлое. Но и теперь сделано все, что можно! Одной лишь горячей речью укрощен первый бунт. Внесен раскол в команду и в опоре на верное меньшинство малой кровью подавлен второй бунт, гораздо более опасный.

Назначено и дважды увеличено вознаграждение тому, кто первым увидит землю. Этот провонявший рыбой палосский босяк станет не просто обеспеченным на всю жизнь человеком, нет, он сделается вторым по значению лицом после губернатора новых земель! То есть он считает, что сделается... Нет иного способа внушить веру в успех, заставить матросов шумно спорить за очередность сидения в корзине на мачте, всматриваясь гноящимися зенками в пустынный горизонт. Олухи доверчивы. Придет удача, и все забудут об опрометчиво данном обещании, а один обиженный не в счет. Чего ради Адмиралу моря Океана и будущему губернатору богатейших владений дарить за здорово живешь то, что по праву принадлежит ему, Кристобалью Колону, и его сыну Диего? Да, за здорово живешь! Бездельников приходится манить обещаниями щедрых подачек, чтобы они выполняли свои прямые обязанности. Не команда – сброд!

А ведь погода стоит прекрасная, дует попутный ветер. Ни одного серьезного шторма за тридцать восемь дней. Чего же они боятся? У олухов короткое дыхание, они хотят легких успехов. А еще они суеверны и твердят о бесконечности моря Мрака и безумии Адмирала. Поначалу шептались, теперь говорят в голос...

Господи, не оставь! Если верить картам, корабли уже вторую неделю должны идти по суше. Где она, суша? Тосканелли и Бехайм солгали!

Нет. Они лишь заблуждались, полагая Индию и Китай расположенными ближе к Иберии, чем они лежат на самом деле. Кабинетное знание лукаво, оно всегда нуждается в проверке со стороны тех, кто не боится поставить на кон все свое достояние и жизнь в придачу. Нужно просто плыть на запад, пока с верхушки мачты не раздастся радостный вопль: «Земля!»

Океан окрасился в багряные тона. Солнце садилось. Покинув тесную и жаркую каюту, Колон поднялся на палубу.

– Адмирал!

Хуан де ла Коса выглядел чернее тучи.

– Два слова, Адмирал. Прошу на корму. Я не хочу, чтобы нас слышали матросы.

Колон надменно кивнул. Каблуки его ботфорт размеренно простучали по палубному настилу. Проскрипели ступени трапа. Лишь двое на кормовой надстройке.

– Я вас слушаю, капитан.

– Адмирал, я вас умоляю, прикажите повернуть... Команда больше не хочет участвовать в безнадежном деле. Они твердят, что вы всех их погубите. Они опасны, Адмирал. Когда люди боятся всего, и с каждым днем все сильнее, они устают бояться. И в первую очередь в них исчезает страх совершить грех убийства. Вы меня понимаете, Адмирал?

– Отлично понимаю. Вы не в состоянии управлять экипажем. Но вам придется приложить к этому все силы, пока вы у меня в подчинении. Скажите им... скажите, что я намерен плыть на запад еще три дня. Если через три дня мы не наткнемся ни на Катай, ни на Сипанго, я сам прикажу повернуть назад.

Вечерний ветерок веял прохладой, но на лбу и носу капитана дрожали крупные капли пота.

– Адмирал, я позволю себе напомнить... Вы клялись... Вы уже давали срок в три дня. Сегодня кончился пятый.

– Еще три дня. – В раздражении Колон притопнул ботфортом. – Слышите – три!

– У нас уже осталось меньше половины запаса провизии, да и та портится. Адмирал, у нас выпито больше половины воды и вина! На «Пинте» и «Нинье» с водой еще хуже. Через три дня возвращаться будет поздно! Вы нас погубите! Вы погубите корабль, а ведь это мой корабль!..

– Чепуха! Мы отклонимся к северу и поймем пассат, а вдобавок войдем в полосу попутного течения. Если надо, будем выдавать воду порциями. Но я клянусь вам, этого не понадобится. Если не завтра и не послезавтра, то на третий день вы увидите землю. Вы видели в море водоросли?

– Да, и сегодня их меньше, чем вчера...

– Это ничего не значит. Земля ждет нас на западе. Богатейшая земля!

– Вы все еще верите в это, Адмирал? – В голосе капитана послышалось отчаяние обреченного.

– Больше, чем когда-либо. Идите и выполняйте мои распоряжения.

Хуан де ла Коса молча отошел. Оставшись один на кормовой надстройке, Колон проскрежетал зубами. Они будут послушны! Его воля сломит их ослиное упрямство и приведет к успеху! Еще три дня... Да, через три дня и впрямь, пожалуй, придется повернуть носы каравелл на восток, если не покажется земля... И тогда – крах всем надеждам, напрасно прожитая жизнь... Господи, не допусти!

А де ла Коса ненадежен... И Пинсон... о, Алонсо Пинсон ненадежен вдвойне! Интересно, для чего минувшей ночью «Пинта» подошла впритирку к «Санта Марии»? Чего хотел хитрый Пинсон? О чем сговаривался с де ла Косой? Они думали, что Адмирал спит, но он пробудился. Иногда разговор вполголоса тревожит сильнее, чем громкий крик, и будит спящего.

К сожалению, ничего толком не удалось подслушать. На прямой вопрос де ла Коса только и сказал: «Пинсон тревожится». Как будто это и так не ясно! А дальше? А дальше якобы ничего не было, и «Пинта» отстала...

Огненный диск упал в воду, и сразу посвежело и потемнело. В этих широтах темнеет быстро. Матросы на палубе затянули песню – как ни удивительно, веселую, хоть и похабную. Что бы это значило? Неужели махнули на все рукой, распрощались навеки с родимым Палосом и готовы идти хоть к дьяволу в пасть? Давно бы так. А может, капитан не так плох, как думалось? Любопытно знать, какие слова он нашел для команды?

– Адмирал, смотрите, «Пинта»! – Спешно взбираясь на кормовую надстройку, де ла Коса грохотал каблуками по трапу. За ним – еще кто-то...

На «Пинте» спустили прямой парус. «Пинта» делала поворот на шестнадцать румбов. За нею начала поворот и «Нинья».

Назад?!

Предатели!

Он догонит их и принудит к продолжению плавания на закат. Нет, к дьяволу трусов! Он пойдет на запад один. А дома Пинсона будет ждать королевское правосудие...

Колон не успел додумать эту мысль. На него накинута сзади. Он даже не успел схватиться за рукоять кинжала, всегда носимого под камзолом.

Был полет, и шумный всплеск, и соленый вкус воды...

И секундная досада на свою недогадливость. И возмущение, и ярость! Его, Адмирала моря Океана, выкинули за борт!

Тяжелые ботфорты тянули вниз. Колон вынырнул, набрал в легкие воздуха и сейчас же вновь ушел под воду. Извиваясь червяком, он погружался, пытаясь избавиться от камзола и содрать с ног ботфорты. Это ему удалось. Уже почти совсем задыхаясь, он пробкой взлетел на поверхность. Закричал.

«Санта-Мария» ушла далеко вперед. Матросы на палубе старательно горланили песню. Когда их спросят, они ответят, что ничего не слышали. Нет-нет, совсем ничего! Потом каракка повернет и для порядка порыщет тут и там якобы в поисках Адмирала, случайно выпавшего за борт. Или, быть может, утопившегося от отчаяния? Господи, спаси его грешную душу!

Разумеется, Адмирал не будет найден, несмотря на все старания.

Колон умел плавать с детства. Но полезное умение уже ничем не могло ему помочь.

Однако он плыл, не собираясь сдаваться. Сначала – за ушедшей далеко вперед «Санта-Марией». Потом, когда судно повернуло, он не поплыл наперерез в безнадежной попытке спастись. Странная идея овладела им. Может быть, то, что не удалось трем кораблям с маловерными экипажами, удастся одному искренне верящему в успех пловцу? Ведь должна же лежать земля на западе,

должна!

Восток был черен, как тело мавра, но еще светился закат. Ошибиться направлением было невозможно. А когда совсем стемнеет, любой моряк найдет верный путь по звездам.

В положенный срок зажглись созвездия. Адмирал моря Океана плыл, теряя силы, и знал, что не увидит рассвета. Но он упорно плыл на запад, ища землю, к которой не приблизился и на половину пути.

Никто не знает, что пресекло его жизнь – усталость или акуля пасть. Но догадывался ли он в миг последнего отчаяния о том, что пройдет еще без малого век, прежде чем море Мрака, иначе называемое Великой Атлантикой, будет наконец-то пересечено с востока на запад?

Вряд ли.

Глава первая,

в которой появляется Нил с Енисея, граф Лопухин получает новое задание, а Еропка приходит в ужас

– Сто-о-ой!.. Держи-и-и!..

Крик взбудоражил мирную улицу. Прохожие начали оглядываться. Кое-где к оконным стеклам прилипли физиономии обывателей.

Когда начинают драть глотку, выкрикивая такие слова, да еще орут на всю улицу, дело ясное: начинается погоня за вором, и притом за неловким вором, скравшим что-то мелкое и не вовремя попавшимся на глаза приказчику. Почему мелкое? Потому что на Рогожском Валу нет крупной торговли. Первые этажи неказистых двухэтажных домиков, поставленных встык друг к другу, заняты хлебными, керосиновыми, скобяными и прочими лавками, недостойными важного наименования «магазин». Здесь не купцы, а купчики, по крайней мере по виду. Блеск им чужд. Иной купчина-старовер, имея стотысячный капитал, сам

сидит в мясной лавке, метелочкой отгоняя мух от мясных туш. Таковы же и покупатели – публика скромная.

Здесь не встретишь ни холодного полированного мрамора, ни пугающе громадных стеклянных витрин, ни одетых по последней моде покупателей, подкатывающих к дверям магазинов в дорогих экипажах. Рогожские крепко держатся за старину. Шум Первопрестольной здесь слабеет. С тех пор как четыре века назад в этих краях пальнула пушка, развеяв в пространстве прах Самозванца, ничто всерьез не нарушало покоя обывателей. Знаменитые московские пожары – и те не натворили больших бед в этом уголке второго города империи. Бывает, грянет в небе гром, и богобоязненный мещанин перекрестится и пробормочет: «Осподи Сусе». Только-то и всего.

Теплый майский день был хорош. Прогремела над городом мимолетная гроза, вымыла свежую зелень деревьев и тротуары, обратила в жижу конский навоз на проезжей части и ушла греметь дальше на восток. Иссякла вода в водосточных трубах. Выглянуло солнце, и капли на листве засверкали поистине волшебю.

Радоваться бы в такой день! А тут – «держи-и!».

Прямо по середине улицы резво мчался мальчишка лет тринадцати. В его прижатой к груди руке имелся калач, цепко схваченный за румяную ручку. Вслед за мальчишкой из дверей хлебной лавки выскочил приказчик и немедленно огласил улицу воплем праведного негодования:

– Калач скрал! Хватай его, беса! Сто-о-ой!..

Немногочисленная публика проявила интерес. Один прохожий метнулся было наперерез мальчишке, но как-то неубедительно – как видно, сообразил, что поскользнуться на мокрых торцах да и растянуться ко всеобщей потехе – раз плюнуть, и состорожничал. Неудивительно, что воришка без труда избежал встречи с осторожным. Но приказчик, влекомый праведным гневом и гончим азартом, не боялся поскользнуться.

Был он низок и коротконог, грязный фартук туго охватывал выпуклый животик, зато смазные сапоги мелькали, как поршни парового двигателя, пущенного на полный ход. Догнать преследуемого, опередившего его сажень на восемь, он не мог, но и не отставал. Воздуха в его легких хватало и на бег, и на крик.

– Держи-и!..

Возле отходящей направо Вековой улицы погоня получила подкрепление. Сонный городской, видать, вздремнувший в своей будке во время ливня, а теперь проснувшийся и потягивающийся, узрев правонарушителя, окончательно пробудился и засвистел.

Свист заставил мальчишку метнуться влево. Ничто не могло быть удачнее такого маневра, поскольку как раз в этом месте середину улицы разделяла широкая полоса развороченной земли, присыпанной серым щебнем с уложенными на него черными от креозота шпалами – по улице протягивали рельсовый путь для конки. Тут же громоздились кучи вынутаго из мостовой камня, того же серого щебня, валялись сиротливо ломы и лопаты. Как видно, рабочие укрылись от грозы в каком-нибудь трактире и вовсе не спешили вернуться к работе, резонно полагая, что последняя и не волк, и не конкурент щам с требухой. Так что между мальчишкой и городовым сразу оказалась полоса препятствий. Преодолевать ее городской не стал, а вместо этого, не переставая свистеть, припустил по правой стороне улицы параллельно преследуемому, надеясь настичь последнего впереди, где рельсовый путь был уже полностью собран и мостовая восстановлена.

В это время шагах в ста позади бегущих прозвучал негромкий, но звучный голос:

– Как полагаешь – уйдет?

Несомненно, голос принадлежал человеку, заинтересовавшемуся происходящим на улице. Правда, интерес был несколько отстраненный, академический.

– Не-е, барин, – сейчас же ответил другой голос, поглубже и несколько сиплый. – Куды ж ему уйти? Во двор нырнуть? Так ведь дворы тут везде глухие, сами знаете. Дальше еще хуже – ограда товарной станции, сразу не перемахнуть. И еще один городской на следующем перекрестке. Поймают мальчика, точно.

Разговор этот проходил в лаковой коляске на дутых шинах, что вывернула на Рогожский Вал с Владимирки. Рослый, серый в яблоках жеребец легко катил экипаж по гладким торцам. Верх коляски был поднят и блестел от дождевой влаги.

Обладателем звучного голоса был высокий подтянутый мужчина лет сорока или чуть меньше на вид, во фрачной паре, цилиндре и лаковых туфлях, защищенных кожаными галошами. Свою трость он поместил между колен. Лицо гладко выбритое, породистое, над тонкими нервными губами оставлены усики-шнурочки. Нос с легкой горбинкой. Темные глаза спокойны, задумчивы, глубины необычайной. Такие мужчины подчас безумно нравятся девицам на выданье, в чем – о чудо из чудес! – девиц всецело поддерживают их матушки. Сразу видно: не вертопрах какой-нибудь, а человек серьезный, со средствами и из хорошего общества. Положительно интересен и вообще положителен, с какой стороны ни глянь.

Его сосед справа был ростом пониже, но в плечах пошире, одет в недорогой серый костюм, явно купленный в магазине готового платья, имел на лице бороду лопатой, а само лицо простецкое, но с хитрецей – сразу видно, себе на уме человек.

Словом, хозяин и слуга.

Русский слуга, конечно. Британский камердинер разодет подчас не хуже господина, ступает и говорит с невыразимым достоинством и отправляется в погреб за вином так важно, как будто собирается держать речь в палате лордов. При этом господин никогда не посадит его в экипаже подле себя, да слуга и сам не сядет. Он знает, что ему пристало сидеть на козлах рядом с кучером, и ни за что не покусится на пристойность. Верность и пунктуальность его превыше сомнений. Одна беда – в России слуги-англичане редко приходятся ко двору даже в роли гувернеров. От их невозмутимости и самодовольства русские впадают либо в ярость, либо в английский сплин с запойным финалом.

Французский слуга? О, этот совсем иной. В чем-то он стоит ближе к русскому человеку, но не наделен его упрямством. В смысле отхлебнуть без зазрения совести из хозяйских винных запасов, подтибрить мелочь или позабыть выполнить поручение – оба хороши. Зато если уж прижмет по-настоящему, на русского слугу надежды больше, чем на француза. Хотя и тут полной однозначности нет.

Немец попадаетесь разный. Как правило, он исполнительен, но «от и до». Педант и подчас самодоволен почище англичанина. Если немец умен, что нередко и случается, то все равно ведет себя как тупой, поскольку не желает понимать, что половину слов хозяин не договаривает. Честностью он ниже англичанина, но

выше русского и француза, не говоря уже об итальянце или греке.

Особняком стоит испанский слуга – чернокожий, курчавый, из колоний. Этот надоест суетой и уверениями в преданности хозяину. Но случись что – веры ему нет. С раба какой спрос? Бессмысленно доказывать ему, что слуга и раб – не одно и то же.

Совсем особая песня – русский слуга. Как правило, он ленив, вороват и вдобавок еще считает себя куда умнее барина. Последний тезис, по его мнению, несокрушим и ни в каких доказательствах не нуждается. При всем том русский слуга сплошь и рядом простит барину такое, за что иноземная прислуга подпалит среди ночи дом и метнется к норманнам в пираты. Само собой – если хозяин хоть за что-то достоин уважения. Иначе не хозяин он вовсе, а так, недоразумение. Русский слуга должен иметь возможность похвастаться своим баринком в разговоре со слугами других господ. Станет он на самом деле хвастаться или нет – вопрос второй.

Николай Николаевич Лопухин – вот как звали господина во фраке. Его бородатый слуга носил имя Ерофей и нимало не обижался, когда барин называл его попросту Еропкой. Однако именовать себя так он позволял лишь барину.

Без особой спешки коляска катила по Рогожскому Валу. Кучер на козлах не горячил жеребца. Расстояние между едущими и бегущими сокращалось медленно.

– Поймают мальчика, – с некоторым сожалением повторил Еропка. И сейчас же вывел мораль: – А не кради в другой раз!

– Уверен? – спросил Лопухин, усмехнувшись неведомо чему.

– Понятное дело, поймают!

– А если нет?

– Ну-у, барин...

– Спорить со мной хочешь? Гляди. Значит, так: если малец уйдет от погони, ты... – Лопухин задумался. – Что бы тебе назначить? Ага. Если мальчика не поймают, ты прочтешь «Одиссею». От корки до корки.

Слугу передернуло.

– Барин, за что? – возопил он негромко. – «Илиаду» одолел, так всерьез был виноват, а тут велик ли грех? Пустяк!

– А за страсть к спору, – отрезал Лопухин. – Старик Гомер тебе не помешает. Мировой шедевр, балда!

Жить в просвещенном двадцать первом веке в претендующей на просвещенность стране и увлекаться телесными наказаниями – себе дороже. А наказывать все ж надо. Николай Николаевич Лопухин не практиковал вычеты из жалованья. Вместо этого провинившемуся Еропке приходилось читать книги по выбору барина, да еще и беседовать с ним о прочитанном. Мало-помалу постигая мировую классику, слуга отучился слюнить страницы, шевелить губами во время чтения, использовать в качестве закладки сухую тарань или грязный носок, но библиофилом отнюдь не стал. Иной раз казалось, что он не прочь отведать батогов, только бы не читать.

Еропка пригорюнился, но только на один миг.

– Ну а коли поймают, тогда что?

– Предлагай, – великодушно разрешил Лопухин.

Зарываться было опасно – однако кто ж удержится от крайности, когда его пугают несносным древнегреческим слепцом! «Гнев, богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына...» А гневливость – один из смертных грехов, между прочим. Чего ее воспевать? Эх, жаль велеречивый тот грек был поражен всего лишь слепотой, а не немотой вдобавок!

– Если мальчика поймают, то вы, барин, определите его в ремесленное училище или в хороший дом на службу.

– Ты не захворал? – спросил Лопухин и посмотрел на слугу с удивлением. – Нет, серьезно? Откуда такое благородство? А, понял!.. хочешь и мне головную боль устроить?

Слуга развел руками и смолчал.

– Будь по-твоему, – решил Лопухин и подтолкнул тростью возницу: – Прибавь.

Серый жеребец, казалось, только и ждал сочного чмокания губами и окрика «н-но-о!». Через мгновение он помчал вперед, как призовой рысак. Ветер ударил в лица.

– Хочешь еще пари? – крикнул Лопухин. – Он не московский и приехал не далее как вчера. Держим?

На этот раз Еропка решительно помотал головой.

– Не хочешь? Что так?

– Да ведь сразу видно, барин, что он деревенский. Лапти на ём. Не успел еще городскую обувь скрасть, стало быть, приехал недавно. Пожалуй, и впрямь вчера, а то и нынче.

– Ишь ты! – выразил Лопухин приятное удивление наблюдательностью слуги, и сейчас же взгляд его стал хищным.

Лаковая коляска поравнялась с приказчиком, уже тяжело дышащим и прекратившим кричать, но не разочаровавшимся в успехе погони, и легко обошла его. Изрытая земля слева кончилась, пошли рельсы и шпалы, и уже совсем близко впереди расстелилась вновь собранная торцовая мостовая, но уже вобравшая в себя рельсовые пути.

Беглец задыхался. Преследователи не приближались, но и не отставали, и свернуть было уже некуда. Силы, подточенные недоеданием, кончались, но страх все еще заставлял бежать.

Кончились канавка с рельсами и шпалами. Городовой теперь топтал сзади, совсем близко, шагах в пяти. Отчаявшись в чухлой своей удаче, мальчик теперь надеялся только на чудо.

И чудо случилось, вот что дивно! Послышался конский топот, и, высекая искры подковами, справа возник крупный серый жеребец, запряженный в блеснувшую на солнце коляску. Судьба сжалилась и одарила шансом. Прицепиться сзади и укатить от злого приказчика и страшного городского! Только бы изловчиться, не промахнуться только бы... Вон как гонит...

Однако все случилось не так, как полагал малолетний похититель калача. Когда он взял правее, чтобы, пропустив коляску впритирку с собой, наддать из последних сил и прицепиться сзади, чья-то сильная рука в белой перчатке, высунувшись из коляски, молниеносно схватила его за шиворот, как водяной уж хватает лягушонка, и столь же молниеносно втянула внутрь экипажа. Послышалось на удивление спокойное: «Гони!» – и мальчик сперва забарахтался было, а потом обмяк в сильных руках.

Полицейский свисток засверлил с новой силой. Тогда Лопухин поморщился и, придерживая пойманного одной рукой, а второй добыв из кармана горсть мелочи, бросил медь на мостовую. Весело звеня, монеты запрыгали по торцам. Свисток издал еще одну трель, короткую и какую-то неубедительную, и затих позади.

Схваченный малец сообразил две вещи: во-первых, быстроногому и на диво упрямому булочнику уплачено за калач, а во-вторых, сам он находится в полной власти этого господина с тонкими усиками и посмеивающимися глазами. Попал из огня да в полымя...

Но сердце готово было выскочить вон, и не хватало дыхания. В полной уверенности, что удерет, как только представится такая возможность, мальчик принялся глубоко дышать и глотать слюну. Временами в глазах становилось темно от усталости и голода, но он знал, что это пройдет. Если не отнимут калач – пройдет.

Тем временем между необыкновенным господином и его слугой шел такой разговор:

– Ну что, спорщик, попался? – говорил господин. – Читать тебе сочинение Гомера! Смирись и просвещайся.

– Барин, так нечестно! – с искусственной плаксивостью возражал слуга. – Не было такого уговора, чтобы вы ему помогали!

– Да ну? Спор шел о том, уйдет этот шкет от погони или не уйдет. Сам видишь, он ушел, а как ушел – в данном случае неважно. Калач – его; «Одиссея» – твоя. Будешь читать.

Слуга задохнулся от возмущения и не сразу нашел ответ. А когда нашел, заговорил вкрадчиво:

– И никуда он не ушел. Вы сами-то где служите, барин?

– Глупости! Воришки по части полиции.

– То-то городской перестал свистеть. Он вас узнал! А о воришках у нас уговора вовсе не было. Мы о чем спорили? Уйдет – не уйдет. Вы сами сказали. Вот он от вас и не ушел. Так что не ваша правда, барин, и не моя.

Помедлив, Лопухин кивнул с неохотой.

Тут бы Еропке смолчать! Лопухин, ценящий деньги не более, чем они того заслуживают, зато очень ценящий свое время, пожалуй, вручил бы мальчишке рубль серебром да и отпустил восвояси, дав на прощанье совет не опускаться до воровства.

И вся мировая история пошла бы иным путем. Уж история государства Российского – совершенно точно.

Но Еропку словно черт потянул за язык. Слуга решил внести полную ясность:

– Так что и я Гомера не читаю, и вы ничем не обязаны, – заключил он, имея вид победителя.

И сразу понял, что все испортил. Но о том, сколь великие последствия возымеет вскоре его опрометчивое заявление, Еропка, разумеется, не имел никакого понятия.

– В точности наоборот, – улыбнулся Лопухин. – Тебе придется читать «Одиссею». А мне придется принять участие в судьбе... как тебя зовут?

В один момент под взглядом внимательных, будто бы пронзающих насквозь глаз мальчик почувствовал: обладатель таких глаз имеет право задавать вопросы, и лучше ему не врать, а отвечать быстро и по существу.

– Нил...

– В судьбе Нила... Фамилия?

– Головатых я...

– В судьбе господина Нила Головатых, – закончил Лопухин. – Хорошая фамилия. Да ты ешь калач, не стесняйся.

Нил азартно вонзил в хлеб зубы. Сейчас ему казалось, что ничего вкуснее он в жизни не едал. А чудной господин обратился к слуге:

– Вымоешь, накормишь, купишь ему приличную одежду. И очень... повторяю, очень постарайся его не потерять. Вечером вернусь, тогда и решу, куда его пристроить.

Слуга кивнул.

– «Одиссею» найдешь в библиотеке. На прочтение, как обычно, неделя.

Даже Нилу, с урчанием уплетающему калач за обе щеки, стало жалко бородатого Еропку – так горестно он вздохнул. Но на барина вздохи слуги не действовали.

Коляска повернула направо и – не слишком скоро – налево. Нил доел калач и принялся соображать, не пора ли дать тягу. Но странный барин держал его по-

прежнему цепко, и притом как будто сам того не замечая.

На самой обычной московской улице (Нил разглядел название – Гончарная) коляска остановилась возле аккуратного двухэтажного особняка. Здесь путешествие кончилось, и Нил, сданный на попечение бородатого слуги, был введен в парадную дверь. Сам же барин, больше ни на кого и ни на что не обращая внимания, негромко сказал что-то кучеру и укатил в сторону Яузских ворот.

Введя Нила в маленький вестибюль, Еропка запер дверь на ключ и только тогда горестно вздохнул:

– И откуда ты взялся на мою голову, а?

Вопрос был из тех, что не требуют ответа, но молчание затянулось, и Нил подал голос:

– С Енисея мы. Село Горелово.

– Вот-вот, – трагичным голосом отозвался Еропка. – И ты, Нил с Енисея, стало быть, нарочно подгадал? Не мог в другое время и в другом месте калачи воровать? Приспичит же некоторым... Что, так сильно живот подвело?

Нил молча кивнул.

– Накормлю, – столь веско, будто решение накормить исходило от него, сказал слуга, без приязни взирая на задержанного, – но перво-наперво ты вымоешься. Айда. Вши есть? Нет? Все равно снимай свое рванье – и в печку. Эх, еще новую одежду тебе покупать...

– Дядя, а дядя, – тихонько попросил Нил, отчасти сытый калачом, но в равной мере испытывающий как желание съесть еще что-нибудь, так и тревогу, – отпустили бы вы меня, а?

Слуга фыркнул, как лошадь, и стал строг.

– Сбежать хочешь? Даже не пробуй.

- Поймаешь?

Ответ последовал за легким подзатыльником:

- Не тыкай. Поймаю. А не я, так граф поймает. От него не скроешься, даже и не мечтай. Уж если граф Лопухин решил кого-то облагодетельствовать – хоть караул кричи, хоть в кулаки бейся – не поможет.

- Граф? – проговорил Нил с восхищением. И сейчас же усомнился: – А чего ж он тогда на извозчике катается, коли граф?

- Дурень ты. Какой такой извозчик? Нашему барину по должности положен экипаж от казны. По этой причине нет резона держать свой выезд.

- А-а, – уважительно протянул Нил.

- Бэ.

- А если барыня захочет прокатиться?

- Какая еще барыня? Вдовствует барин. И давно уже.

- А какой у него чин?

Еропка почесал в бороде и хмыкнул.

- Чин, положим, пока что не генеральский – статский советник, а вот должность особая. Секретная. Тебе ее знать и не полагается, понял? Но намекну. Видал на Таганской площади жандарма?

- Видал, – кивнул Нил.

- Ну и кому он честь отдавал, по-твоему? Мне? Тебе? Кучеру? Лошади?

Нил двигал ушами – впитывал новые сведения, или, как говорят англомены, информацию.

– Вона что, – сказал он наконец сдавленным голосом и озадаченно поскреб в затылке.

В кофейне грека Поплохиди на Спиридоновке было немногочисленно. В час, когда присутственные часы в казенных учреждениях подходят к концу, но еще не кончились, редко кто зайдет к приветливому греку выпить чашечку кофею по-турецки и не спеша выкурить настоящую австралийскую папироску.

Праздношатающиеся господа, подражая французам, предпочитают фланировать по Тверскому и Никитскому бульварам, вдыхая ароматы расцветающих лип. Дамы из общества завершают в этот час визиты к портнихам и модисткам. Веселые, как жаворонки, гимназисты из тех, что не слишком спешат домой после занятий, интересуются больше кондитерскими лавками, чем кофейнями. Иногда лишь зайдет посидеть у Поплохиди одинокий студент, не пожалевший полтинника, или курсистка, или просто прохожий, которому позарез нужно убить время.

А зря! Ибо лучшего кофея не найти во всей Москве. Хитрый грек первым угадал моду на восточную негу и, надо сознаться, в меру сил сам ей способствовал. Кто хочет, может убедиться: кофею у Поплохиди томится в джезвах не на вульгарной плите, а в объятиях горячего песка, исходя плотной пеной и рождая ароматы, от которых кружится голова. Для истинных ценителей неги грек держит отдельные кабинеты с коврами, диванами и кальянами. Есть также небольшая общая зала, а в теплое время года Поплохиди выставляет полдюжины столиков на улицу под полосатый навес.

Вечером в кафе не протолкнуться. Стоит только золотому солнечному диску закатиться за крыши доходных домов на западной окраине Первопрестольной, как Спиридоновка оживает, и в кофейне редко отыщется свободный столик. Ходит сюда публика разная. Ходят дородные господа и нарядные дамы в модных шляпках, чей обод изображает трамвайное колесо как символ прогресса. Ходит публика помельче: армейские офицеры, титулярные советники, купцы средней руки, газетные репортеры и начинающие адвокаты. Захаживает шумная богема: взъерошенные художники, бледные актеры, разочаровавшиеся в жизни девицы

без определенных занятий и поэты столь хитрых направлений, что русскому человеку их названия невозможно и выговорить. Случается, заглядывает публика в картузах и сапогах: железнодорожные кондукторы, мастеровые, приказчики, телеграфисты и просто всякий люд. Поплохиди рад всем, но умеет так рассадить гостей по ранжиру, чтобы не оскорбить самый взыскательный взгляд.

Но до вечера было еще далеко. Лишь два столика под полосатым тентом были заняты. За крайним правым, забыв остывший кофе, строчил в блокноте известный всей Москве репортер Легировский. За крайним левым сидели двое – элегантный сухощавый денди с острыми усиками над тонкими нервными губами и, как ни странно, мастеровой в помятом картузе, стоптанных сапогах и застиранной косоворотке. Между ними шел разговор:

– Именно здесь? В номерах Сичкина?

– В том не может быть никаких сомнений. Второй этаж направо, не так ли?

– Верно. Второй направо.

– Номер восемнадцать? Его окна вы сейчас видите правее и выше моей головы?

– К чему эти вопросы, Николай Николаевич? Уже ясно, что мы с вами выслеживаем одну и ту же дичь. Барон Герц, не так ли?

– В данную минуту он один? – небрежным тоном осведомился денди, посчитав излишним отвечать на риторические вопросы.

– Нет, – помедлив, сообщил мастеровой.

– А-а. Так я и думал.

Оба одновременно отхлебнули кофею. Только денди взял чашечку двумя пальцами, картинно оттопырив мизинец, а мастеровой шумно пил из блюдца, держа его на весу за донышко.

– Не слишком ли вы переигрываете, Акакий Фразибулович? – спросил денди, слегка усмехнувшись.

– В самый раз. Я же не знал, что сам граф Лопухин явится к Поплохиди отбивать у меня хлеб. А ваших филеров я обманывал не раз и не десять. Кстати, что вы намерены предпринять?

– Вероятно, ничего. А вы?

– Смотря по обстоятельствам.

В этот момент денди зачем-то покосился вправо-влево и, кажется, на мгновение заинтересовался тенью, отбрасываемой газовым фонарем на брусчатую мостовую. Затем он не спеша вынул из кармана серебряный портсигар, достал папиросу, закурил и, очевидно по рассеянности, оставил портсигар раскрытым.

– Закройте, – нервно сказал мастеровой. – Он эти штучки с зеркалами насквозь видит. Стреляный воробей.

– Не учите рыбу плавать, – усмехнулся Лопухин. – Если не нравится, уступите мне свое место.

– Извините, не уступлю. Не обижайтесь.

– Я не обижаюсь. Я только был удивлен, увидев, что сам начальник московской сыскной полиции Акакий Фразибулович Царапко решил потряхнуть стариной. Простите мое любопытство, вы сами гримируетесь?

– Сам.

– Очень недурно. Вы меня почти обманули. Неужели и Поплохиди обманулся?

– Представьте себе, да.

– Я охотнее представлю, что у грека рыльце в пушку и от вас зависит, пойдет ли он по Владимирке, – тонко улыбаясь, проговорил Лопухин. – Наверное, тайная опиумокурильня в одном из кабинетов? Ну-ну, чужая тайна – это святое, мое

дело сторона... А касательно барона Герца – не беспокойтесь. В конце концов, мы с вами делаем общее дело, и не все ли равно, кого из нас поглядят по головке и кому дадут конфетку? Ведь претензии вашего ведомства к нему касаются ограбления банков и страховых обществ, не так ли?

– В Екатеринославе, Херсоне и Воронеже, – сумрачно кивнул Царапко. – А также в Харькове – неудачное. Банк «Базис».

– У марксистов это называется экспроприациями, – сообщил Лопухин. – Якобы в фонд социальной революции. На самом деле львиная доля этих денег идет на личные расходы революционных вождей, и в первую очередь Клары Мракс. В Женеве и Лондоне жизнь не из дешевых, а с пролетариев много не возьмешь. Хотя и с них берут...

– Мне это известно, – пробурчал Царапко. – Как и то, что барон Герц – личный эмиссар Клары Мракс. Вас, насколько я понимаю, интересует политическая деятельность этого господина?

– А вас – уголовщина? Как только вы соберете достаточно улик, вы тут же арестуете барона, не так ли?

– Именно. У вас имеется предписание отнять у меня дело?

– Отнюдь нет, – улыбнулся Лопухин. – Ни в коем случае. Я всего лишь хочу обратить ваше внимание на то, что дело это глубже простой уголовщины. Одно-два ограбления вы, без сомнения, докажете, но стоит вам только арестовать барона, он запеленается как шелкопряд, и тогда из него ничего не вытянешь, кроме нити. А она длиной с версту. У нас нет столько времени. Мне нужны его связи.

– Удивительное совпадение: мне тоже.

– Тем лучше. Я предлагаю вам объединить усилия.

Теперь улыбнулся «мастеровой» – той самой саркастической улыбкой, которую не раз пускал в ход на допросах, показывая грабителям, ворам, аферистам и содержателям притонов, что лучше бы им заткнуть фонтан вранья и давать

признательные показания. Во избежание применения к задержанным более радикальных методов ведения следствия.

- Единение сыскной полиции и Третьего отделения? Ор-ригинально!

- Не беспокойтесь, не навек. Притом только для того, чтобы не мешать друг другу.

- Так-так. Надо полагать, моего подопечного пасут и ваши люди, Николай Николаевич?

- Странно, что вы этого еще не заметили, Акакий Фразибулович... А наш подопечный неплохо устроился! Мот, кутила, игрок. По вечерам банчишко, шампанское, дамочки, веселье до утра... Нет, мраксисты не разлагаются – они взрослеют. Совсем новая маска. И место хорошее – почти под боком Жандармского управления. Люблю таких наглецов. Притом до Пресни рукой подать, и номера как раз для такого вот Ноздрева...

- Эх вы его приложили, – усмехнулся Царапко. – А ведь в точку. Прелюбопытнейший фрукт, доложу я вам. Никогда не знаешь, что он выкинет в следующую минуту...

- Ну, в данную-то минуту он выкидывает из окна какого-то безмозглого типа, – сказал Лопухин, даже не обернувшись на звон стекла, короткий вопль и удар тела о мостовую. – Не ваш ли это агент?

Позади него испуганные восклицания прохожих перекрыл пронзительный свисток городского, поспешавшего к месту происшествия. Туда же устремился репортер Легировский, чуя поживу десятка на два строк.

- Мой агент, – не стал отпираться Царапко. – Но почему вы решили, что он безмозглый?

- Головастых не выкидывают в окна, Акакий Фразибулович. В худшем случае их спускают с лестницы. И без особого шума. К чему весь этот гвалт? Теперь извольте любоваться: участок, протокол, разбирательство... А если ваш дурень убится или покалечился, то и уголовщина.

– Мои люди так просто не калечатся, Николай Николаевич. Глядите, встает!

– Вижу. И все равно нам это совершенно не в масть. Скажите, квартальный надзиратель берет взятки?

– Несомненно.

– Я так и думал. Не торопитесь с ним, хорошо? Пусть за мзду спустит дело на тормозах.

– А вы не учите ученого. Закажите-ка лучше нам еще по чашечке кофею, ваша светлость. А я покамест обдумаю ваше предложение.

– Кофей с ликером или с коньячком?

– Со сливками и сахаром. Что за попытки сподить культурного рабочего, Николай Николаевич? Не ожидал от вас, честное слово.

Подозвав щелчком пальцев официанта, Лопухин сделал заказ. Официант кивнул кисточкой на феске и унесся. Очень скоро на столике появились две новые чашечки кофею, миниатюрный кувшинчик со сливками для гения сыска и рюмка шартреза для графа. Тем временем из номеров Сичкина трое дюжих полицейских не без труда вывели барона Герца. Барон был дезабилье, вырывался и кричал: «Хамы!» Один из полицейских, воровато оглянувшись, приложил барону кулаком по шее.

Растрепанного задержанного впихнули в извозчичью пролетку и увезли в участок. Незадачливый агент давно уже улетучился неизвестно куда. Разошлись, судача о происшествии, немногочисленные зеваки, захлопнулись окна чутких на скандалы обывателей. И вновь над Спиридоновкой повисло вялое спокойствие. Из арки напротив номеров Сичкина выбрел сонный дворник с метлой, широко зевнул, показав всей улице щербатую пасть громадных размеров, и надолго задумался, с чего начать: с рассыпанных по брусчатке осколков стекла или же с лошадиного навоза?

Граф раскурил новую папиросу.

– Кстати, Акакий Фразибулович, сделайте мне одно одолжение... Не в службу, а в дружбу. Есть у меня на примете один мальчонка... Пока еще ничего собой не представляет, и я хочу это исправить. Для начала определю его в ремесленное училище. А вы, со своей стороны, возьмите его в обучение. Парнишка, кажется, толковый, жизнь знает. Вдруг новый Бертильон во благовремение вылупится?

– Скорее уж Ванька Каин, – хмыкнул Царапко. – Знаем мы таких. Обычное дело. Круглый сирота, конечно?

– Вот именно.

– Желаете вырастить из него идеального агента для рабочей среды? И не жалко вам мальца, Николай Николаевич?

– Жалко, потому и прошу вас. Кем он станет без дома, семьи и дела? Вором с Хитровки? Пьяницей? Тем и другим вместе?

– Уговорили. – Начальник московской сысской полиции шумно допил остатки кофея из блюдечка. – Приводите завтра своего Бертильона, посмотрим. Но только, чур! Я ничего не обещаю.

– Спасибо и на том, Акакий Фразибулович. Теперь касательно моего предложения о координации наших действий...

Давно уже ушел репортер Легировский – понес, должно быть, материал в редакцию, – а странная пара все еще сидела у Поплохиди. Наконец денди поднялся и, оставив на столике два серебряных рубля, неспешным шагом двинулся по Спиридоновке. Возле поворота на Большую Бронную он подозвал лихача на дутых шинах и укатил куда-то не торгуясь.

Что до «мастерового», то Акакий Фразибулович Царапко исчез во внутреннем дворе дома напротив номеров Сичкина. Через минуту он уже находился в одной из наемных квартир на втором этаже. Здесь король сыска задал только один вопрос:

– Записывали?

Отрицательный ответ удивил бы его крайне. Но удивляться не пришлось. Более того, снятые с фонографа восковые цилиндры уже были аккуратнейшим образом помещены в жестяные футляры и пронумерованы. Порядок в ведомстве Акакия Фразибуловича справедливо считался образцовым.

А техническое оснащение сыскной полиции временами поражало его самого. Вот и сейчас Царапко невольно развел руками при виде приделанной к фонографу двухсаженной фибровой трубы, расширяющейся на конус. Направленное прослушивание и запись разговора – это надо же, до чего техника дошла! Через улицу! Через оконное стекло в номерах Сичкина! И весь посторонний уличный шум рупорному приемнику звука решительно неинтересен. Просто невероятно. Небось у Третьего отделения такого прибора еще нет, хотя они и переманили к себе способнейшего Лемендеева. Но он химик...

– Сейчас изволите прослушать запись? – почтительно осведомился румянощекий губернский секретарь, технический гений местного масштаба. Царапко мгновенно уловил всю гамму его чувств: от с трудом скрываемого желания похвастаться до боязни за качество записи. И то сказать: качество обычно бывает такое, что лишь очень опытное ухо в состоянии разобрать, кто что сказал, да и то не всегда. Недаром звукозапись до сих пор не может являться доказательством в суде присяжных... Пока не может.

– После, – отрезал Акакий Фразибулович, грешным делом подумавши: «Не то записывали. Надо было писать наш с Лопухиным разговор. Слово там, слово тут, глядишь – набрался бы интересный матерьяльчик... Да, за техникой – будущее...»

Но мысль о чудесах прогресса, едва мелькнув, сразу покинула Акакия Фразибуловича. Сейчас его занимало совсем другое. Во благо или во вред пойдет совместная работа с Третьим отделением? И как сделать, чтобы во благо. И какие ключики подобрать к небезызвестному в узких кругах Николаю Лопухину...

Он не мог еще знать, что ему не придется сотрудничать с Лопухиным. И самому Лопухину предстояло узнать об этом лишь через полчаса. Зато оба знали очень хорошо: человек лишь предполагает; располагает же им кто-то совсем другой.

Если кто-нибудь напоет вам, будто в «царской охранке», как называют Третье отделение озлобленные на весь свет борцы за народное счастье, служат лишь филеры с одинаковыми неприметными лицами, смело наплюйте клеветнику в лицо, если только это не дама. Если дама – напомните ей, что указ об отмене крепостного права, изданный холодным летом 1953 года, вряд ли вышел бы и десятилетием позже без прямой поддержки тогдашнего шефа жандармов. Равно и указ о пожаловании избирательного права женщинам, доказавшим службой, научной работой, меценатством или благотворительностью свое интеллектуальное и моральное равенство с мужчинами. Если вам желательно окоротить нигилистку, наивно поинтересуйтесь у нее, как давно она добилась для себя избирательного права. Не ждите только, что потом вы останетесь с этой дамой в добрых отношениях.

Что филеры! Дельный человек под толковым руководством служит по той части, к каковой более всего приспособлен. И занимается Третье отделение личной канцелярии Е.И.В. не только и не столько марксистскими кружками. У Третьего отделения есть множество других забот.

– Голубчик, я вас второй час по всему городу ищу! – жалобно возопил шеф московского отделения Отдельного корпуса жандармов генерал Рябчиков. – Всех свободных агентов разогнал на поиски. Ну нельзя же так, Николай Николаевич! Беда мне с вами! Вот, извольте полюбоваться: вторая зашифрованная телеграмма от самого! – Генерал со значением взвел вверх указательный палец. – И все то же: где Лопухин? Из-под земли вынуть Лопухина и телеграфировать немедленно!

– Позвольте ознакомиться, ваше высокопревосходительство? – кротко, но твердо осведомился граф, завладевая листком. Расшифрованный и аккуратно распечатанный на машинке текст телеграммы гласил:

ЛОПУХИНУ ТЧК С ПОЛУЧЕНИЕМ СЕГО ПРОШУ ВАС НЕЗАМЕДЛИТЕЛЬНО ВЫЕХАТЬ  
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ ПО ДЕЛУ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВАЖНОСТИ ТЧК  
СУТГОФ

Пожав плечами, граф вернул листок Рябчикову.

– Не можете ли вы объяснить мне, что сие означает?

– Головную боль мне это означает, Николай Николаевич! Поделом старому дураку, и виноватить некого, сам виноват! Не скрою от вас, некоторое время назад ко мне обращались... э-э... из сфер... вы понимаете?.. с просьбой рекомендовать талантливого и энергичного работника, достаточно молодого, но в чинах, и чтобы непременно хорошей фамилии... уф-ф!.. для выполнения крайне ответственной миссии. – Рябчиков вытер платочком лоб и шею. – Ну, я и назвал вас. Простите, скрыл до поры. Теперь останусь без лучшего помощника. Э-эх! – Генерал махнул рукой. – Вы, конечно, тотчас едете?

– Как только выправлю железнодорожные билеты, Карп Карлович, – без энтузиазма отозвался Лопухин. – Если Сутгоф пишет «предписываю», надо ехать. Если он пишет «прошу», надо лететь стрелой.

– Именно. Купе первого класса на «Красной Стреле» вам уже забронировано. В Петербурге вас встретят. М-м... что-то не так?

– Мне нужны два купе, рядом. Второе за мой кошт.

– Я тотчас же распоряжусь. Текущие дела сдайте Разуваеву. Знаю, он молод, но терпелив, не горяч... Полагаю, справится. И вы того же мнения? Вот и чудесно... Еще что-нибудь?

– Я не смею настаивать, Карп Карлович, но если возможно обрисовать мне хотя бы в общих чертах суть моей миссии...

– Не уполномочен, Николай Николаевич, не уполномочен. Рад бы, но увы. Одно лишь скажу: не знаю, завидовать вам или наоборот. Миссия ваша не из простых. Надеюсь на присущую вам решительность... и деликатность.

Граф слегка приподнял одну бровь, но ничего не сказал.

– Итак, с Богом, Николай Николаевич! Как я без вас обойдусь? Э-хе-хе...

На шестом часу пребывания в графском особнячке Нил не только еще не удрал, но и не принял твердого решения сделать это.

После мытья, когда бородатый графский слуга поместил его в просторнейшее корыто, именуемое ванной и наполненное нагретой в дровяной колонке водою, а затем, намылив, жестоко отдраил мочалкой с головы до ног, для Нила наступила пора блаженства. Во-первых, он был отконвоирован на кухню, где и накормлен добродушной толстой кухаркой. Во-вторых, после сытного и вкусного обеда Еропка отвел его в просторную на удивление людскую и, указав на старый диван, велел спать. И объевшийся Нил немедленно погрузился в сон.

Впрочем, часа через два, судя по тому, как передвинулись стрелки на больших напольных часах, он был разбужен. Как оказалось – для допроса.

И допрос сейчас же состоялся, стоило лишь Нилу продрать глаза и облачиться в поношенную гимназическую форму. Выполняя распоряжение барина одеть мальчика, ленивый слуга не сильно потрудился, добредя всего-навсего до комиссионной лавочки на углу Яузской и Тетеринского.

Кое-где висело, а кое-где и жало – и все равно новая одежда показалась роскошной. Нил пофыркал только для виду – и мы, мол, не лыком шиты, фасон понимаем. Очень не новыми оказались и ботинки, но для привыкших к лаптям ног так было даже лучше. Обувшись, Нил ощутил, что до кровавых пузырей дело, пожалуй, не дойдет.

– Воруешь недавно, конечно? – строго выпрашивал Еропка. – Оно и видно – навыка нету. Что ж ты не бросил калач, когда за тобой гнались? Авось отстали бы. Растерялся?

Нил помотал головой.

– Не. Очень есть хотел. Вы, дядя Ерофей, не подумайте на меня чего лишнего, я только еду ворую... Вот истинный крест!

– Все равно дурак, – осудил Еропка. – Попадешься – не всякий пожалеет. Родители померли, конечно?

Вздыхнувши, Нил ответил кивком.

– От чумы?

– Угу. От язвы. Оба в один день, и тятка, и мамка.

– А ты, значит, бежать? Погоди, как ты карантины-то обошел?

– Так их уж сняли, как я уходил. Ко мне язва не пристала. У нас в Горелово только семь человек померло. Дохтур ажно удивлялся.

– Ну?

– Что? – испугался Нил.

– Дальше рассказывай. Почему не остался дома при хозяйстве?

Нил снова вздохнул.

– Хозяйство дядька отнял. Мамкин брат, значит. А меня из дому выгнал и на дорогу вот столечко не дал.

Еропка крикнул и вполголоса произнес краткое ругательство.

– Ну и куда ж ты ехал?

– К тетке в Житомир. К тяткиной сестре. Она в городе Житомире у господ кухаркой служит.

– Тебе, дурню, в Енисейск надо было ехать, в комиссию по борьбе с этой, как ее... – Еропка наморщил лоб, припоминая нерусское слово. – С эпидемией, во! Получил бы вспомоществование. Хм... если бы тебе поверили, конечно. Пачпорта-то у тебя нету. А что тетка житомирская? Обрадуется она тебе?

– Скажете тоже! Обрадуется! Кому я нужен! – Нил шмыгнул носом.

И сейчас же увидел перед носом кулак.

– На жалость не бей, не люблю. И главное, граф не любит. Что умеешь делать?

– Все умею! – честно округлил глаза Нил. – Вот вам крест святой, дяденька!

– Тьфу ты! – Еропка рассердился. – Ври, да не завирайся! Умеет он все! Граф тебя при себе не оставит, даже не думай. Читать-писать обучен? Счет знаешь?

– Угу.

– Не «угу», а «точно так-с». В ремесленное училище пойдешь? Казенный кошт. Не жирно, но жив будешь.

– А я уж просился в ремесленное, – неожиданно поведал Нил. – При паровозоремонтном заводе, что в Перово. Не взяли меня, да еще надсмеялись. Иди, говорят, деревня. Понаехали, мол, тут всякие...

– То ты просился, а то граф попросит. Соображай! А может, и куда получше тебя пристроит, чего не знаю, того не знаю...

От головокружительных перспектив захватило дух. Нил вдруг обнаружил, что сидит, раскрывши рот, и дышать забыл. Поездка к тетке в Житомир, служившая на протяжении последних недель главной целью существования, выглядела уже не столь привлекательной, заслоненная новыми блистательными перспективами. Неужто наконец повезло?..

Но графа Нил трусил и, когда тот вернулся, забился в людскую. Сказать честно, графов до сегодняшнего дня Нил с Енисея не видел ни одного. Равным образом это относилось к баронам, князьям, великим князьям, маркизам, курфюрстам, эмирам, богдыханам и императорам.

Поэтому первых слов, сказанных барином по прибытии, Нил не слышал – зато услышал громкий горестный вздох Еропки. Вслед за вздохом прозвучал вопрос:

– Да зачем же это, а?

Барин ответил сухо и, главное, гораздо тише. Чтобы его слышать, Нил на цыпочках подкрался к двери.

– Багаж уложи, сказано тебе. Поезд отходит через два часа.

«Вот те на, – подумал Нил. – Какой поезд? Куда?»

Он осторожно нажал на тяжелую дверь, и та слегка приотворилась без скрипа. Образовалась очень удобная щель, к которой тотчас приник любознательный Нилов глаз.

Барин стоял посреди вестибюля, тросточкой постукивая себя по лаковой туфле, и вид имел насмешливый. Еропка же, протестуя всей душой, был многословен, суетился, подсигивал на месте и для пущей убедительности всплескивал руками:

– Воля ваша, барин, а только как бы хуже не вышло. Давеча, как по Маросейке ехали, кот черный дорогу перебежал. Чего, спрашивается, ему, паскуде, на заборе не сиделось? Так ведь нет – прыг и шась наперерез! Если бы он по своим надобностям куда бежал, так, может, и обошлось бы, а раз нарочно – пиши пропало. Примета верная. Не надо нам никуда ехать, барин.

– Вы так полагаете, сударь? – иронически ответствовал граф.

И слуга поник. А Нил справедливо заподозрил, что подчеркнутая вежливость барина не сулит слуге ничего хорошего, и тот великолепно это знает.

Тут граф, сколь ни узка была дверная щель, заметил Нила и поманил пальцем. Таиться дальше не имело смысла.

Нил вышел.

– Лодырь, – осудил граф Еропку, с отвращением взирая на гимназический наряд второго срока носки.

Нил сжался, как будто сам был виноват. Но граф больше не интересовался его костюмом и перешел непосредственно к персоне:

– Обещал я пристроить тебя в хорошее место и слово сдержу. Однако дела оборачиваются так, что придется тебе немного подождать. Поедешь со мной. Вопросы есть?

У Нила был вопрос, но задал он его не барину, а Еропке, когда барин удалился к себе в кабинет, а слуга вручил Нилу одежную щетку, велел вычистить дорожный сюртук его сиятельства.

- Дядя, а дядя... Едем-то мы куда?

- Куда, куда... - Еропка пребывал в большом неудовольствии. - На кудыкину гору. В Санкт-Петербург, вот куда.

- Эва! А зачем?

- Служба, вот зачем.

- Царева служба? - для чего-то понизив голос, спросил Нил.

- Ну а какая же... Э! Кто ж так чистит! Сюда гляди, вот как надо! Эх ты! Сразу видать, что с Енисея...

Нил старательно работал. После сюртука пришлось вычистить мундир и навести глянец на графскую обувь - две пары.

Только после этого Нил вновь обратился к Еропке, укладывающему в два больших чемодана сорочки, кальсоны, носки, носовые платки, мягкие домашние туфли и многое прочее.

- Дядя, а дядя...

- Чего тебе еще?

- Ведь я барину нисколечко не нужен, да?

- С чего ты это взял?

- Это он спор проиграл, вот и старается. А сам даже не спросил меня ни о чем, не то что вы.

– Цыц! – Слуга выкатил на Нила страшные глаза. – Чего не знаешь, о том не болтай. Делать его сиятельству нечего, кроме как тебя выпрашивать! Он человека насквозь видит, понятно?

Нил поежился, хотя понятно ему, по правде говоря, не было. А может, слуга уже успел доложить барину то, что сумел выпросить? А когда успел?

Нет, ничего тут сразу не понять...

Однако кормят от пуза – раз. Одежду дали – два. Не бьют – три. Это уже сейчас. И кое-что обещано на потом. Ну разве не сvezло?

А значит, надо быть полным олухом, чтобы думать о том, как сбежать.

«Остаюсь», – решил Нил, чувствуя все же некоторую тревогу.

Глава вторая,

в которой граф Лопухин достаивается высочайшей беседы, Еропка вновь приходит в ужас, Нил помогает строить гидроэлектростанцию, а полковник Розен поет дифирамбы ручным гранатам

Мощный, новейшей конструкции, паровоз «Змей-Горыныч» лихо свистнул, отгоняя зевак от края дебаркадера, запищал тормозами, окутался паром и зашипел, как настоящий змей. Не доехав ровно одной сажени до земляной насыпи, венчающей конец пути, он замер. Звонко ударил колокол, возвещая о точном – минута в минуту – прибытии «Красной Стрелы» на Николаевский вокзал.

И сейчас из распахнувшихся дверей вагонов мимо кланяющихся в ненапрасной надежде на чаевые вагонных служителей повалили пассажиры, смешавшись с пестрой толпой встречающих. Мелькнули бляхи носильщиков, слышались зазывные крики: «А вот кому вещи поднести? Без обмана и утруски! Не зевай, торопись, недорого!» По преимуществу бляхи стремились к вагонам первого класса, но не обходили вниманием и второй, а что до третьего, то его в «Красной

Стреле» отродясь не водилось.

В вагоне произошло оживление. Мимо открытой двери купе Лопухина прошествовало семейство: пожилой толстый господин в летнем пальто и котелке, пыхтящий под тяжестью двух чемоданов и одновременно сражающийся с гигантской шляпной коробкой, его пышнотелая супруга в платье с преогромным турнюром и две дочки-близняшки с одинаковыми болонками на руках.

- Ну-ка, - шепнул Еропке граф, - скажи, кто таков.

- Вон тот толстый господин?

- Полный, а не толстый. Сколько тебя учить. Еще лучше - представительный. В крайнем случае - дородный.

- Ну-у, барин... По-моему, он толстый, а никакой не представительный.

- Не пытайся выиграть время, отвечай. Итак, этот господин...

- Банковский служащий, - последовал немедленный ответ.

- Какого ранга?

- Высшего.

- Директор банка?

- Нет. Разве что банк совсем никудышный. Ничего себе шишка, но не директор.

- Так, - сказал Лопухин. - А почему, скажем, не... м-м... помещик, едущий в Петербург пристраивать дочерей в Смольный?

- В мае месяце? Шутите, барин. И на помещика-то он вовсе не похож...

- А на банковского служащего, выходит, похож?

- Точно. Вылитый. А что, не так?

- Этого полного господина, - наставительно произнес Лопухин, - зовут Аполлон Фаддеевич Шейкин, он служит главным инженером у Путилова. Проходил свидетелем по делу о мраксистских кружках. Пятьдесят один год, награжден Станиславом третьей степени, женат первым браком, трое детей, старший сын служит подпоручиком в Павловском полку. Вся семья страдает грудной жабой и регулярно лечится на водах, откуда, надо полагать, и возвращается в столицу. Вот тебе и банковский служащий.

- Ну-у, барин, это нечестно! У вас небось картотека, а у меня что?

- Картотека прежде всего должна быть вот здесь. - Граф легонько постучал себя пальцем по лбу.

- Куражьтесь, барин, воля ваша...

За астматичным семейством явился Нил. Не решаясь войти в купе, мялся в проходе, пока не был ушиблен чей-то кладью. Не дожидаясь указания барина, Еропка втащил мальчишку в купе.

- Сиди тут. Вещи где?

- Там, - указал рукой Нил в сторону соседнего купе. - Лежат.

- «Там»! Кому было сказано не отходить от вещей! Думаешь, воры только в Сибири водятся? Балда! На минуту тебя оставить нельзя!

- А вы сами?

- Что я? Не видишь, что ли: я вещи барина укладывал. Вот он, саквояж. У каждого свое дело. Есть у меня время за тобой следить, а?..

Попыхивая папироской, Лопухин иронически наблюдал за потугами слуги внушить Нилу элементарные представления о служении. Неизвестно, какая педагогическая поэма могла развернуться на его глазах, если бы в тамбуре не

рявкнули зверем, явно игнорируя надпись «Господ встречающих просят не входить в вагон»:

– Смирно стоять, морда! Я тебе покажу «не положено»! Живо показывай, который тут граф Лопухин...

Хамская эта реплика возымела совершенно различное действие на барина и слугу. Если Лопухин лишь снисходительно усмехнулся, то Еропка мгновенно ощерился, как терьер, унюхавший мерзейшее порождение этого мира – кошку.

– Спрашивал давеча один – который, мол, тут граф, – проворчал он со значением. – Потом метелку у горничной клянчил: зубы свои по ковру никак не мог собрать...

– Цыц! – сказал ему Лопухин.

– Почему, барин?! Всякий-разный будет вот так вот вас не уважать? Тогда уж лучше совсем на свете не жить, ей-богу.

– Цыц, сказано. Выгоню.

– И-и-и!.. Куда же вы без меня, барин? Пропадете вы без меня. Совсем пропадете, как пить дать...

– Ладно, не выгоню, только цыц!

В дверном проеме возник человек в мундире с аксельбантами. Щелкнул каблуками:

– Я имею честь видеть графа Николая Николаевича Лопухина?

– Именно так, – отвечал Лопухин, убивая окурочек в пепельнице.

– Флигель-адъютант его императорского величества Ипполит Артамонович Барятинский. – За представлением последовал новый щелчок каблуками. – Имею поручение встретить и сопроводить. Попрошу ваш багаж. Прохор, прими. Экипаж ждет.

Ни черта не значили эти щелчки. Физиономия затаенного в мундир, как колбаса в кишку, флигель-адъютанта носила на себе несомненные признаки наглости, брезгливости и недовольства данным поручением. Но придраться было не к чему.

Важный ливрейный Прохор принял чемоданы. На долю Еропки достался лишь саквояж, который он тут же вручил Нилу: «Потеряешь – уничтожу». На выходе из вагона Лопухин сунул служителю рубль, подмигнув: «Что, мол, не приходилось еще иметь дело с императорскими адъютантами? Мотай на ус».

Двинулись через вокзал. Прохор с двумя чемоданами играл роль волнолома. Человеческий муравейник бурлил здесь заметно активнее, нежели в Москве. Навстречу потоку пассажиров «Красной Стрелы» лился поток дачников, подготовившихся к штурму пригородных поездов. И это на Николаевском вокзале! Лопухин лишь усмехнулся, представив себе, что творится сейчас на Финляндском и Балтийском. Три миллиона петербуржцев – не шутка. И каждый второй из них в мае озабочен одним: снять удобную и недорогую дачу на лето. Три миллиона! Это не старушка Москва, в которой и двух не наберется...

Уже на площади пришлось протискиваться сквозь особенно густую толпу. Двое городских безуспешно пытались ее рассеять, обходясь пока без рукоприкладства, – потому, надо думать, и безуспешно. Толпа собралась не зря: зеваки дивились на гигантских размеров паровой экипаж марки «Руссо-Балт» в специальном исполнении: небывало роскошная отделка, диковинные шины – не заурядные железные, высекающие искры из мостовой, и не дутые, а дорожкой литой резины, фигурный бронированный экран, отделяющий пассажирское отделение от котла, и, наконец, бак с мазутом вместо угольного тендера и отсутствие кочегара. Но более всего привлекала внимание лакированная дверца пассажирского отделения, украшенная российским орлом и личным вензелем государя императора, прямо указывающим на принадлежность самобеглого механизма к гаражу Е.И.В.

Экипаж стоял под парами. Густой жирный дым стелился из высоченной трубы, мазал собачьим хвостом фасад вокзала. На козлах важный механик протирал бархатной тряпичкой рулевое колесо. Позади пытящего механизма замерли шестеро конных казаков с пиками, упертыми в стремя. Один из эскорта, бравый детина с закрученными усищами, устрашающе торчащими до козырька, и выбивающимся из-под фуражки громадным чубом, старался унять

пляшущего под ним горячего жеребца, и слышалось сипатое: «Балуй, холера».

Если граф и удивился экипажу и охране, то внешне ничем удивления не выказал. А потрясенный Нил потянул Еропку за рукав:

- Дядя, а дядя! Сам царь-государь прислал экипаж, да?

- Да. Тихо ты!

- Дядя, а граф Николай Николаевич, выходит, такой важный барин? Самый-самый важный?

- А то. Нет, ну не самый-самый, а... просто самый.

- То-то и гляжу: он как будто ждал, что сам царь за ним таратайку пришлет...

- Сам ты таратайка! Барин - он умный. Не как я, но все-таки. Враз понял, чьи люди встречают. По тону. А теперь - замолкни!

- Прошу сюда, граф, - не слишком проворно, как и подобает слуге высочайшей персоны, вынужденному угождать персоне рангом пониже, распахнул дверцу экипажа флигель-адъютант. - Государь в Петергофе. Мне приказано оказывать вам в пути всяческое содействие.

- Ну, раз всяческое содействие, - усмехнулся Лопухин, - тогда поехали через Невский. Эй, механик, притормози у «Англетера». Нил, полезай на запятки, прими чемоданы. Еропка! Снимешь мне в «Англетере» номер о трех комнатах с видом на Исаакий. К обеду не жди, а ужин чтоб был. Если есть свежие устрицы - закажи. Из гостиницы ни шагу. Да, сегодня же пошлешь коридорного в книжную лавку Крафта, что на Фонтанке.

- Зачем, барин? - В глазах Еропки мелькнул ужас.

- Пусть купит «Одиссею». Ты, кажется, вообразил, что хитрее меня? Думаешь, не уложил книгу в багаж, так и ладно, забудется со временем? Нет, дружок. И никаких отговорок. Имей в виду: я очень сильно рассержусь, если ты не достанешь «Одиссею». Очень сильно. Запомни, труд создал человека.

– Это вас он создал, барин, а меня он убьет. Что тогда?

– Отпоем и закопаем. Эй, любезнейший, трогай!..

Коптя фасады, паровой экипаж описал полукруг и вывернул на Невский. На Аничковом мосту не в меру ретивый городской поднес было к губам свисток, но, разглядев казаков охраны, задумался, а узрев императорский вензель, выкатил грудь колесом и отдал честь. Распоряжение санкт-петербургского градоначальника о недопущении паровых экипажей на Невский, Литейный и Дворцовую набережную вне всяких сомнений не могло распространяться на императорский экипаж.

Нил ничуть не жалел, что оказался не внутри роскошного экипажа и даже не в отделении для слуг рядом с важным Прохором, а на запятках вместе с Еропкой. Много ли увидишь изнутри! Санкт-Петербург раскрывался перед ним с парадной стороны. Мешал только сырой ветер, выдавливая слезы из глаз, и не радовало низкое летящее небо с растрепанными клочьями туч, но эти мелочи Нил охотно прощал волшебной столице.

Казанский собор контузил его воображение. Мелькнувшая справа арка Генерального штаба усугубила контузию, а при виде Зимнего дворца, Адмиралтейства и Исаакия Нил чуть было не свалился с козел. Более того, не менее диковинные строения открывались по ту сторону Невы, немногим, на взгляд Нила, уступавшей Енисею. Паровые катера, баркасы с косыми парусами и гребные суденышки так и сновали по водной ряби, а поблизости на самом фарватере шла какая-то большая работа. Если бы граф Лопухин соблаговолил дать пояснения, Нил узнал бы, что это возводится чудо техники – разводной мост, призванный уже в текущем году соединить Адмиралтейскую сторону с Васильевским островом, и что мост через Малую Неву уже выстроен. Но граф не стал давать никаких пояснений, а просто высадил Еропку со всем багажом, а Нилу сделал знак оставаться на козлах.

После чудес Невского Вознесенский проспект произвел невыгодное впечатление, зато здесь оказалось меньше извозчичьих колясок – как нарядных русских, так и финских, победнее, – и самобеглый экипаж, сердито заурчав, загромыхал железом и увеличил скорость. Казаки перевели коней в галоп.

– Странно, – задумчиво проговорил Лопухин.

- Что странно? – Флигель-адъютант обратился в слух.

- Странно, что государь пребывает в Петергофе.

- Не удивляйтесь. Двор остался в Петербурге. Государь выразил желание в течение нескольких дней отдохнуть и понаблюдать за забавами великого князя Дмитрия Константиновича. Только охрана, узкий круг доверенных лиц и минимум слуг.

- Понятно, – кивнул Лопухин. – Цесаревич, вероятно, по-прежнему в Гатчине?

- Совершенно верно.

- А великие княжны? – как можно небрежнее спросил Лопухин, и сердце сжалось в предчувствии: знает! Знает! Сплетни хуже телеграфа.

- Великая княжна Ольга Константиновна также изволит пребывать в Петергофе. Великая княжна Екатерина Константиновна изволила остаться в Петербурге.

То ли чудилось Лопухину, то ли и в самом деле в голосе Барятинского был скрыт змеиный яд: нет, дружок, с великой княжной Екатериной ты сегодня не встретишься, даже и не мечтай...

«Показалось», – подумал он, беря себя в руки.

На набережной Фонтанки какой-то хорошо одетый господин, сорвав с головы цилиндр, выбежал с тротуара на мостовую, во все горло крича «ура», и едва не попал под казачью лошадь. Барятинский отпрянул от окна. Миг – и восторженный верноподданный остался позади. Могучий экипаж давал по брусчатке не менее двадцати пяти верст в час.

- Фу-ты ну-ты, – с явным облегчением сказал флигель-адъютант, вновь откидываясь на бархатную подушку. – Я чуть было не подумал – террорист. Удивился даже. Давно уже никто бомб не бросает.

- Да, бомбометатели – дело прошлое, – отозвался Лопухин.

– Вашими стараниями, – подхватил Барятинский так, что было непонятно, чего больше в его словах, одобрения или издевки. – Теперь у вас на очереди эти... мраксисты?

– От мраксистов вы бомб не ждите, – отрезал граф. – Учение Клары Мракс чисто экономическое, оно не подразумевает бомбизма. Тем-то оно и опаснее, кстати говоря.

– Однако и среди них, вероятно, могут найтись субъекты экстремистского толка?

– А где без уroda? Но законные методы по отношению к мраксистам пока действуют плохо. Чаще всего присяжные оправдывают смутьянов, а если особо зловредные и получают сроки, то обычно чепуховые. Погодите, то ли еще будет, если Дума примет закон о стачках...

Барятинский промолчал, чему-то улыбаясь. Улыбка у него была неприятная. Казалось, он на чем-то поймал Лопухина, вот только на чем?

Догадка пришла быстро: на уродах. Нигде, мол, без них не обходится. Стало быть, и в императорской семье. Что сказано, то сказано. И может быть впоследствии передано с нужной окраской.

А сказана чистая правда. Цесаревич Михаил, старший отпрыск государя императора, наследник престола... Да. Вот именно. Будущая надежда и опора, так сказать. Этой «опоре» самой нужна опора, чтобы не валиться под стол под занавес каждого кутежа. Но об этом не стоит говорить вслух.

За городом на механическую повозку обращали меньше внимания.

– Вишь ты, – сказал один ямщик другому и сморщился, чтобы чихнуть от дыма, но не чихнул, – вон какое колесо! Что ты думаешь: доедет то колесо, если б случилось, в Нарву или не доедет?

– Доедет, – был ответ.

– А в Ревель-то, я думаю, не доедет?

– В Ревель не доедет.

Да еще коровий пастух с пастушонком, выгнавшие на свежую траву разномастное стадо, проводили самобеглый экипаж не слишком удивленными взглядами, и пастушонок, утерев нос лоснящимся рукавом, спросил:

– А что, дядя, пахать на такой страхомордине небось можно?

Прежде чем отвечать всякой мелюзге, пастух выдержал достойную паузу.

– Эка хватил! Не-е. В пашне по ступицу завязнет. Весит не приведи господи, вон как рессоры просели, а колеса, вишь ты, с вершок шириной.

– А если в кузне широкие колеса склепать?

– Тогда, поди, можно, – важно согласился пастух, выдержав для значительности новую паузу. – Только ты это... Ты потише со страхомординой-то. Тут о позапрошлом годе в Дятлицах учителька кричала, что, мол, железный конь идет на смену крестьянской лошадке. Вот смеху-то было. А поп Варсонофий с дурна ума, не снесясь с начальством, взял да и возгласил принародно тому коню железному анафему. Целое дело вышло. Учителке-то ничего, а поп и доселе в Соловках огороды копает. Взыскан за мракобесие. Э, куда пошла!.. – Щелчком кнута пастух выгнал пегую коровенку из придорожной канавы и напустился на пастушонка: – А ты, раззява, чего ворон считаешь? Ты зачем сюда взят?

И звук подзатыльника положил конец дискуссии.

Двухаршинные колеса весело катились по брусчатке. Тряска почти не ощущалась – не то что на обыкновенных российских колдобинах, где вздумай только заговорить со спутником или укусить захваченный в дорогу пирожок – мигом отхватишь собственный язык вместо пирожка. Разговор тем не менее не клеился.

– Не угодно ли? – только и спросил по дороге флигель-адъютант, протягивая графу пачку сигар с изображением скачущего кенгуру. – Настоящая «канберра», прямо из Австралии.

– Благодарю, я привык к папиросам, – сухо отвечал Лопухин и в самом деле закурил, на чем разговор прервался и не возобновлялся до того момента, когда колеса экипажа захрустели по гравийным дорожкам Верхнего сада Петергофа.

В десяти саженьях от парадной двери дворца экипаж остановился, шумно выпустил пар и глухо лязгнул какой-то металлической деталью. «Заслонка, – догадался Лопухин. – Гасят топку».

И действительно, жирный дымный хвост, чуть было не лизнувший пакостно стену флигеля, истончился и пропал.

– Соблаговолите подождать. Я доложу.

Лопухин вышел из экипажа, разминая ноги. Ждать пришлось недолго.

– Государь примет вас. Прошу следовать за мной в Чесменский зал.

– Барин, а мне куда? – подал голос Нил.

– Стой здесь, жди. Да слезь с запяток, садовая голова!

На фоне батальных полотен с горящими турецкими кораблями государь Константин Александрович производил невыгодное впечатление. Когда-то очень представительный, он теперь сильно исхудал, поседел и ссутулился. Простой гвардейский мундир также не добавлял императору величия. Велики были дела предков, и велико было зарево огня, повсюду пожирающего флот османов. Дела давно минувших дней словно бы укоряли государя, который по праву мог бы прибавить к Чесменскому залу Дарданелльский, и укор их был несправедлив.

На миг Лопухина охватила неуместная жалость, и он прогнал ее. Как можно выказывать жалость к самодержцу четвертой части суши с населением в триста миллионов душ? Жалеть придется Россию, когда через несколько лет или (не допусти боже!) месяцев императора не станет. Седьмой десяток все-таки уже на второй половине. Четверть века успешного царствования, четверть века благоденствия внутри страны и лишь две короткие успешные войны за ее пределами... Теперь это пределы России, и на Босфоре, и в Нарвике. Сделано многое, но... седьмой десяток на второй половине.

При вредной профессии это серьезно. И то сказать: кто из русских царей жил дольше? Одна Екатерина Великая, пожалуй, и то на один лишь год...

– Ваше императорское величество... – ниже, чем требовал придворный этикет, поклонился Лопухин.

– А, это вы, граф? – Даже голос у императора стал тише. – Я ждал вас. Надеюсь, вы в добром здравии?

– Так точно, государь. Осмелюсь спросить о драгоценном здоровье вашего императорского величества.

Скорбная улыбка тронула бескровные губы императора:

– Оставьте, граф, какое там здоровье... И сделайте одолжение, бросьте титулование. Проводите-ка лучше меня в парк. Врачи советуют пешие прогулки и морской воздух. Тем лучше, здесь все это под боком. Особенно морской воздух. Никогда, представьте себе, не любил Царское Село...

Впервые граф Лопухин шел под руку с государем. Откуда-то неслышно появился бессменный старый денщик с перекинутой через сгиб локтя шинелью, засеменил следом. Спустились по лестнице, вышли со стороны Нижнего парка. Краем глаза Лопухин заметил Нила – мальчишка, вместо того чтобы ждать у противоположного подъезда дворца, с разинутым ртом дивился на фонтаны из-за угла флигеля, не дерзая подойти к балюстраде. Свободной рукой Лопухин сделал ему знак следовать за ним в отдалении, не маяча.

Фонтаны шумели. Золоченый шведский лев, чью пасть разрывал могучими руками Петр Великий в образе Самсона, протестовал против такого изуверства высоченной струей ропшинской воды, извергаемой из глотки. Морщась от шума беснующихся повсюду струй, император повел Лопухина по полого спускающейся в парк боковой дорожке.

– Во дворцах есть то неудобство, что количество лишних ушей значительно превышает количество дельных голов, – без усмешки произнес он. – Прогуляемся до Монплезира, граф. Я спрошу начистоту: вам уже известна цель вашего вызова ко мне?

– Нет, государь, – ответил Лопухин.

– Прекрасно. Я сам введу вас в курс дела. Через три месяца мы планируем открыть движение по новостроенной Транссибирской железнодорожной магистрали. Надеюсь, вы понимаете значение этого события для России?

– Понимаю, государь. Покуда наши сибирские и дальневосточные провинции не будут иметь быстрого и надежного сообщения с центральными губерниями, они останутся лишь российскими колониями, но никак не Россией.

– Верно, но это не все. С открытием железнодорожного сообщения мы сможем переселить в Сибирь миллионы крестьян из центральных губерний типа Калужской, ныне страдающих от перенаселения и истощения пахотных земель. Одна лишь Минусинская котловина при правильной постановке дела сможет прокормить миллионы людей. Но и это лишь второстепенная задача. Главное: создать на Дальнем Востоке мощную промышленную базу как опору для флота. Владивосток – превосходный естественный порт, но в данный момент влачит довольно-таки жалкое существование. Нам нужен сильный флот на Дальнем Востоке, во-первых, для пресечения грабительской торговли англичан и голландцев с туземным населением Камчатки и Чукотки, а во-вторых, дабы противостоять возможной агрессии со стороны Японии. У этой страны отменный аппетит, совершенно не по росту! Мы приветствуем настойчивое стремление японцев войти в число цивилизованных народов, но мы обязаны защитить наши интересы в Манчжурии, Корее, и я уже не говорю о нашем исконном Сахалине и островах. Наш посланник в Токио барон Корф деятельно работает над русско-японским дружественным договором о разграничении сфер влияния. Завершение строительства Транссиба явится мощным аргументом в нашу пользу. А чтобы у японской стороны не возникло подозрений, будто мы близоруко недооцениваем значение новой магистрали, Государственный совет решил придать церемонии открытия высокий государственный статус. На церемонии должен присутствовать наследник престола. Более того, он лично должен забить последний золотой костыль...

«Хорошо, если он попадет кувалдой по шляпке костыля, а не кому-нибудь по ноге», – мельком подумал Лопухин, два года назад представленный наследнику и хорошо его помнивший. По имеющимся сведениям, с той поры цесаревич не преуспел в добродетели.

Не до конца перелинявшая серо-рыжая белка шуршала в прошлогодней листве, выискивая проросшие желуди. Внезапно из кроны трехсотлетнего дуба брызнул настоящий ливень, вынудив собеседников спешно ретироваться из-под полога ветвей. Белка взлетела по коре вверх и сердито заверещала.

Впервые хмурое лицо императора украсилось подобием улыбки.

– Митька чудит, – почти нежно сказал он, стряхивая капли с эполет. – Только что выпущен из Пажеского корпуса в числе лучших, а баловаться не разучился. Обожает водяные шутихи. Дня не проходит, чтобы кто-нибудь не попался... Ага, вон и шланг! Вот увидите, завтра ловушка окажется уже в другом месте... М-да. На чем я остановился?

– На Транссибе, ваше императорское величество, – с поклоном отозвался Лопухин. – А также на наследнике.

– Да-да. Ему не мешает проветриться и посмотреть разные страны. Заодно парафирует в Японии новый мирный договор, подготовленный Корфом. Японцы придают большое, часто до несоразмерности, значение церемониалам. Что ж, мы пойдем навстречу и окажем японской стороне уважение. Подпись наследника престола чего-нибудь да стоит. М-да... В Гатчине цесаревич ведет беспутную жизнь. Карты, вино, женщины. Я сам в молодости не был монахом, но его поведение, право, далеко выходит за рамки обычных шалостей. Полбеда, если бы он ограничивался одной Гатчиной. Но обер-полицмейстер то и дело доносит мне о его кутежах и безобразных выходках в Петербурге. Его не раз видели в грязных вертепах у Калинкина моста. Только чудом он до сих пор не подцепил венерическую болезнь. Вы понимаете, граф, все это строго между нами...

– Я служу в Третьем отделении, государь, – твердо ответил Лопухин.

– Не сомневаюсь в вашей преданности и скромности. Так вот, я надеюсь, что кругосветное путешествие в обществе людей достойных пойдет цесаревичу на пользу. Дай-то бог!

– Ваше величество говорит о кругосветном путешествии? – позволил себе удивиться граф.

– Именно о кругосветном. Тут есть и геополитический смысл. До сих пор, как вам, вероятно, известно, лишь два российских капитана – Моргенштерн и Волчанский – совершили кругосветное путешествие. Новые корабли для владивостокской эскадры идут по полгода через мыс Доброй Надежды и Зондский либо Малаккский проливы. Фрегат «Диана», посланный в позапрошлом году напрямик через Великую Атлантику, попал в тайфун и затонул близ Азорских островов. Бриг «Персей» пропал без вести на том же маршруте. До сих пор единственным русским судном, прошедшим напрямик из Петербурга во Владивосток, остается пакетбот «Быстрый». Машинный ход имеет свои преимущества. Вот почему для экспедиции выбраны паровой корвет «Победослав» и канонерка «Чухонец».

– Мудро, государь, – осторожно вставил Лопухин.

– Ах, оставьте. Вы сейчас отвесили комплимент не мне, а морскому министру, это его рекомендация... Англия значительно опережает нас и в японских делах, и в мореплавании вообще. На Дальнем Востоке англичане откровенно вставляют нам палки в колеса. Имеются сведения о неофициальных контактах Лондона с пиратами Исландии, Шпицбергена и Ньюфаундленда. Исходя из этого, маршрут экспедиции проложен подальше от северных вод: через Ла-Манш, далее к Азорам, к голландским колониям на Сандвичевых островах – и оттуда прямо в Йокогаму... Который час, граф? Без пяти минут двенадцать? Тогда пройдем поскорее эту аллею, тут шутихи старые, известные, работают по часам... До них Митька еще не добрался.

– Его высочество имеет склонность к технике.

– Он ко всему имеет склонность, поверьте! Ему до всего есть дело. Удивительно подвижная натура и вместе с тем серьезная, даже какая-то основательная. Иногда мне кажется, что ему сорок лет, а не двадцать два. Отдал ему Шахматную горку, он на ней вместо каскада строит гидроэлектростанцию. Пусть портит! Весь дворец с парком отдам, лишь бы не запил от безделья. Женю его, а через год-другой сделаю дальневосточным наместником, на этом посту он развернется, что нам и требуется...

Император вздохнул. Трудно было не понять причину его вздохов: законный наследник Михаил Константинович, родная кровь, боль отцовской души, позор императорской фамилии. Пока он лишь наследник, разговоры о его беспутстве можно еще удерживать полицейскими мерами на уровне шепотков, но потом...

Что толку, косясь на дверь, рассуждать о том, что великий князь Дмитрий Константинович стократ более достоин императорской короны! Престол все равно займет пьяный и буйный Михаил. За его спиной такие силы, с которыми честным патриотам и спорить-то бессмысленно. Слишком многих устраивает император-кукла, а что вечно пьян, так это не беда. Алкогольные вожжи не хуже любых других.

– Впрочем, к делу, – твердо произнес император. – Итак, я намерен предложить вам принять участие в этой экспедиции в качестве... м-м... шефа личной охраны цесаревича. Мне рекомендовали вас как исполнительного, а главное, умного, прозорливого, ловкого и, когда требуется, решительного человека. Говоря по чести, рекомендации для вас вовсе не обязательны, ведь я вас знаю. И верю, что вы исполните свой долг. Хотя... в экспедиции примут участие только добровольцы. Вы, конечно, можете отказаться.

– Ни в коем случае, государь, – поклонился Лопухин. – Я рад.

Рад он отнюдь не был. Кто получил назначение охранять цесаревича, тот должен быть готов охранять его прежде всего от него самого и его собутыльников. Это всегда подразумевается. Приятная перспектива, нечего сказать!

Но и отказаться было невозможно. Причем не только по карьерным соображениям. Нельзя не исполнить приказ такого государя, каков Константин Александрович, и считать себя после этого порядочным человеком и патриотом. Что тогда? Отставка и отъезд в имение – подальше от позора...

Если бы император приказал Лопухину броситься головой вниз со шпиля Петропавловского собора, граф в первую минуту попытался бы выяснить, нельзя ли как-нибудь обойтись без этого, но во вторую минуту – бросился бы.

И уж тем более нельзя было отказать императору в просьбе.

Легкая улыбка преобразила лицо монарха. Казалось, он сбросил разом пять лет.

– Тем лучше. Тогда немедленно отправляйтесь с полковником Розеном в Кронштадт на борт «Победослава». Завтра туда же прибудет цесаревич. Послезавтра утром корабли должны выйти в море... Вы, кажется, удивлены,

граф?

– Ни в коей мере, государь.

– Тем лучше. Вы, конечно, понимаете: соображения безопасности вынудили нас держать всю подготовку в глубочайшей тайне. Слишком многое поставлено на карту, чтобы не нашлось желающих нам помешать. Быть может, есть веские обстоятельства, удерживающие вас в России? Говорите прямо, граф.

– Государь, таковых обстоятельств у меня не имеется, – отчеканил Лопухин.

С минуту Константин Александрович смотрел на графа выцветшими, но все еще очень пронизательными глазами. «Знает», – подумал Лопухин.

– Благодарю. Иного ответа, признаться, не ждал. Точные инструкции, а равно прожиточные, представительские и секретные суммы вы получите на борту корабля. Отправляйтесь, граф, и да поможет вам бог!

По-видимому, аудиенция была окончена. Дружески кивнув, император двинулся было по аллее, но, не сделав и двух шагов, вдруг резко обернулся и стиснул руку графа.

– Пожалуйста, не давайте наследнику напиваться вдрызг, – сказал он, и Лопухин понял: в эту минуту с ним говорит не самодержец, а страдающий отец. – Совсем не пить он, по-видимому, не сможет, но пусть хотя бы держится в рамках приличия. Пожалуйста, граф.

Комок подступил к горлу. Лопухин смог только кивнуть в ответ, как кивнул бы всякому, кому твердо пообещал содействие.

Пообещать-то можно. А ты попробуй сделать.

И попробуй не сделать. Тогда останется одно: самому спиться у себя в имени от тоски и позора.

Несколько секунд Лопухин смотрел в спину удаляющемуся по аллее императору. Ладно. К черту все прочие дела! Подождут. В Кронштадт! Где этот полковник?..

Перед Монплезиром, предусмотрительно держась подальше от старых, еще елизаветинских водяных шутих, прохаживался немолодой офицер в черной форме морской пехоты. Вблизи стали заметны две детали: Георгий третьей степени на груди офицера и страшный сабельный шрам, наискось пересекавший лицо.

– Генерального штаба полковник Розен, – очень сухо отрекомендовался офицер.

– Статский советник граф Николай Николаевич Лопухин, – приветливо представился граф и по скучающему виду полковника понял, что тот знает его и получил повеление ждать. – А как вас величать по имени-отчеству?

– Полковник Розен.

– Гм, и только? Вы не потомок ли того Розена, что «ушел сквозь теснины», но все-таки был взят в плен под Полтавой?

– На второй вопрос отвечаю: потомок, но незаконный. Мой дед за угасанием фамилии получил монаршее соизволение именоваться Розеном. На первый вопрос отвечаю: да, и только. А теперь не угодно ли вам проследовать? Мой катер стоит под парами.

Круто развернувшись на каблуках, он двинулся было в сторону канала. Лопухин едва успел поймать его за плечо. Движение вышло инстинктивно, но это мало беспокоило графа. Он знал, что его инстинкты по большей части верны.

– Не кажется ли вам, полковник, что ваше поведение оскорбительно?

Розен подскочил как ужаленный, стряхнул с плеча руку и, оскалившись в брезгливой улыбке, стал окончательно страшен:

– Жандармы того стоят. К тому же ни один из них никогда не примет вызов на дуэль, оправдываясь соображениями государственной службы, и только наподличает исподтишка. Так что же прикажете с ними делать? Лобызаться?

– Сознаться, что погорячились. Больше мне ничего от вас не надо.

– Ха-ха! Погорячился? Быть может, вам когда-нибудь случалось принимать вызов? Да неужели? Чудеса во человецех!

– Для начала я готов принять ваши извинения, – кротко сказал Лопухин. Розен только зло рассмеялся в ответ. – Нет? Не хотите? Тогда слушайте: я не принимаю ваш вызов, потому что не получил его и потому что сам вызываю вас. Поверите на слово или мне придется повторить вызов в присутствии свидетелей и с перчаткой? Ах, верите? Тогда выбор оружия за вами. Можем встретиться хоть сейчас в уединенном уголке парка. Я готов удовлетвориться вашими секундантами.

Лицо полковника, и без того искаженное шрамом, исказила гримаса. Он покрутил головой и неожиданно расхохотался. Смех его, злой вначале, странным образом окончился нотками досады.

– Черт, а ведь вы меня поймали. Я с удовольствием встретился бы с вами прямо сейчас, но увы. Поклялся государю. Он знает, что я забияка, ну и взял с меня честное слово... Хорошо, я принимаю ваш вызов, но только не сейчас и не здесь, а по выполнении миссии, во Владивостоке. Вас устраивает мое предложение?

– Не очень. Впрочем, согласен, если вы перестанете дерзить. Если нет, я найду способ поставить вас к барьеру где и когда угодно. Я имею в виду: когда мне будет угодно. По рукам?

Розен размышлял ровно столько времени, сколько граф мог удержаться на грани обратимости поступков, то есть две-три секунды.

– Так и быть, по рукам, – сказал он уже без враждебности в голосе. – Но во Владивостоке я вам не завидую. Готовьтесь к худшему. В Академии Генштаба я был чемпионом курса по стрельбе из револьвера. А до этого чемпионом полка.

– Я тоже умею стрелять.

– Значит, меня не обвинят в избиении младенцев. Однако не поторопиться ли нам? Вон видите трубу перед шлюзом? Это мой катер.

– Погодите, – спохватился Лопухин. – Со мной еще мальчик, слуга. Черт побери, куда он подевался?

Нила нигде не было видно.

– На фонтаны любуется, – предположил Розен. – Или камешки в залив швыряет, бездельник.

На прибрежных валунах за Монплезиром Нила не оказалось. Пришлось пройти вдоль канала. Осмотрелись. Перед шлюзом приткнулся, слабо дымя, паровой катер. По ту сторону канала парковый служитель с достоинством катил мусорную тачку. Нил как сквозь землю провалился.

– Вот ведь разгильдяй, – пробормотал граф.

– Вы же по сыскному делу, – съязвил Розен, – вот и сыщите.

– И сыщу. Дайте время.

– Времени у нас как раз в обрез. Не оставить ли нам его здесь, раз он такой пряткий?

– Вам легко говорить, а у него мой саквояж... Стойте! Есть идея. Идите на катер, а я прогуляюсь к Шахматной горке.

– Пожалуй, я составлю вам компанию. Черт, ну и длинные же здесь аллеи!.. Почему вы думаете, что он там?

Лопухин только взглянул многозначительно – берег дыхание. Шахматной горки они достигли почти бегом. И вовремя: там вдруг закричали в несколько голосов. «Скорее! Что-то случилось», – почти не запыхавшимся голосом проговорил Лопухин, переходя с рыси в карьер.

Полковник не отставал.

А случилось вот что.

Уразумевши, что с его (или не его? ну, об этом потом помозгуем) барином беседует не кто иной, как сам царь, Нил в первую минуту, понятно, оробел. Знак, сделанный ему графом, он заметил и истолковал правильно – но ноги приросли к земле.

Сам царь!

Нил вспотел. Никакого приличного случаю благоговения он не ощутил, зато почувствовал ужас птички, пойманной котом, или воришки, бестолково бьющегося в крепких лапах городского. Последнее ощущение показалось более точным, благо, было не раз испытано Нилом на себе. Ну, попал!.. Парк, наверное, оцеплен стрелками, и в каждом дупле по соглядатаю. Тут сделаешь что не так – и пропадешь, как волдырь на воде, никто и не спросит, куда пропал шпынь ненадобный. Ой, мамочки...

Ничего страшного, однако, не приключилось. Грохотал Большой каскад, но Нил не знал, что это Большой каскад. Среди шума воды царь и барин спускались по вымощенной наклонной дорожке в парк, спокойно беседуя о чем-то, и столбняк Нила мало-помалу проходил.

С тяжелым саквояжем графа в руке Нил робко двинулся следом, но на ту же аллею ступить не дерзнул. Вертя головой и поминутно дивясь, он забрал вправо, не упуская из виду барина. Парк не тайга – тут буреломов нету и издалека видать.

Чутье подсказывало держаться поближе к барину. Но любопытство то и дело лезло со своим мнением. А там что? А вон там?

Довольно скоро Нил набрел на бригаду мастеровых. По-видимому, они чинили не то фонтан, не то каскад... сам черт не разберет эти барские забавы, как тут у них что называется... В общем, красиво расчерченная на квадраты наклонная стенка, по которой, как догадался Нил, полагалось катиться воде, была осушена и частично разворочена. Сбоку от специально продолбленной ниши из толстой трубы выпрыгивал целый водопад отведенной в сторону воды, низвергаясь в преогромную каменную лохань.

Зачарованный Нил разинул рот и потерял чувство времени. Нечего и говорить, что он потерял из виду также барина и – позор и стыд! – самого государя.

К высоченной деревянной треноге с подвижным блоком наверху был прицеплен обвязанный веревкой чудной механизм – не очень большой, но, как видно, тяжелый. Его-то, как понял Нил, и предполагалось поднять в нишу.

Зачем? Наверное, чтобы фонтан лучше фонтанил. Насос, наверное...

И совсем удивительным показалось Нилу то, что за десятника у фонтанных дел мастеров был невысокий ладный парень годов двадцати. Его фартук, какой бывает у каменщиков, был заляпан, шапка съехала на ухо. Он покрикивал, и работники, в числе которых были два седобородых, слушались его беспрекословно.

– Разом взяли! Макарыч, готовься принять! Тяни! Р-раз! Ну еще раз... ддрружно! Ты чего стоишь? – Это Нилу. – Помогай!

Чуть-чуть помявшись в нерешительности, Нил поставил саквояж на каменный парапет водоема, для порядка поплевал на ладони и ухватился за хвостик толстой веревки позади рабочих. Потянул вместе со всеми. Был ли толк от его помощи, нет ли – не понял. Если и был, то немного.

– Наверх лезь, дурачина! Подсобишь принять.

А, вот какой помощи ждал молодой десятник! На миг Нил устыдился своей бестолковости – и все же «дурачина» показалась незаслуженно обидной.

– Так бы сразу и говорил, – с вызовом обратился он к десятнику. И добавил как можно басовитее: – Ладно. Я сейчас.

Он проскакал по мосткам над водой и быстро вскарабкался по приставной лестнице. В нише уже стоял какой-то дядя с длинным железным крюком наперевес.

– Осади назад, – строго сказал он. – Да не туда! Вон куда! – толкнул он Нила в глубину ниши. – Счас я приму, а ты вот энтак придержи. А как майнать начнут,

подложишь под турбину вон те чурбачки. Уяснил?

Нил не знал, что означают слова «майнать» и «турбина», но кивнул с видом полной понятливости. Авось разберемся. Не лыком шиты.

И Нил превосходно разобрался. Его ли беда, что усердия он проявил чересчур много, а ниша оказалась недостаточно глубока?

Совершив полуоборот вокруг непонятого агрегата, именуемого турбиной, и подложив последний чурбачок, Нил вдруг почувствовал, что его пятки повисли над пустотой.

Испугаться он не успел. Вот удивление – было. Как же это он так опростоволосился? В Сибири на кедры лазал, земли оттуда не видно, и ни разу не сорвался, – а тут?..

Нил замахал руками. Попробовал дотянуться до веревки, но не успел. А потом был полет, недолгий и совсем нестрашный, жесткий удар спиной о воду, и вдруг стало холодно и мокро.

Он вынырнул и обнаружил, что схвачен за шиворот. Нашупал дно – здесь было всего-то аршин глубины, – и все равно был вытащен на каменный парапет чьей-то сильной рукой.

– Ай, дядя! Отпусти!

Но мокрый по пояс молодой десятник отпускать Нила не пожелал. Наоборот, схватил за плечи еще крепче и пытливо заглянул в глаза:

– Как звать тебя, водоплавающий?

– Нил.

– Тогда ты не туда впал. Тебе в Средиземное море впадать надо.

Мастеровые обидно захохотали.

– Хватит вам, – властно остановил их десятник. – Ты кто есть? Откуда?

Нил лишь сопел, не зная, что отвечать.

– Ты вот что, паря, – басом сказал бородатый мастеровой, положив тяжкую ладонь Нилу на плечо. – Ты отвечай. Видишь, их императорское высочество интересуются, так ты уж не молчи. Ты чьих будешь?

Их высочество?! Нил разинул рот. Только что выбирал момент рвануться, выскользнуть из рук и задать деру – и вот на тебе! Высочество, да еще императорское. От такого удерешь, пожалуй...

И тут пришло спасение. Явился барин – как из-под земли выскочил. А с ним еще какой-то дядька в важном черном мундире и со страшным шрамом на лице. Мокрый Нил только таращил глаза и шевелил ушами, пока длилось объяснение.

Сказать по правде, длилось оно не слишком долго. Вымокшее по пояс императорское высочество рассмеялось, отпустило Нила и назвало его крестником, отчего вся компания снова расхохоталась. Тем и кончилось неприятное приключение, а граф, почтительно откланявшись десятнику, велел Нилу взять саквояж и идти следом за ним и дядькой в черном мундире.

Оглянулся на Нила он только раз – с иронической усмешкой. Но деревенской раззявой не назвал и вообще не сказал ничего.

Нил молчал. Было стыдно.

Пришли к какому-то каналу, где стоял паровой катер. А когда погрузились и вышли в море, Нил понял, что искупался очень зря. Свежий ветер вмиг заставил его зубы плясать чечетку.

«Нипочем не пожалуюсь», – нахохлившись, как воробей, подумал Нил. К счастью, его страдания были замечены матросами. «Держи, салага», – сказал один из них, кинув старый бушлат, в который мокрый Нил немедленно завернулся.

Удивительно, что барин одобрительно кивнул, хотя по виду совсем не интересовался дрожащим мальчишкой, и стало ясно, что он все примечает.

Ветер доносил слова разговора. Барин беседовал с господином в черном мундире – полковником, как понял Нил из услышанного.

– Так вы участвовали в Галлиполийском десанте? – спрашивал граф. – Выходит, вы попали в самое пекло. Нам под Адрианополем тоже временами приходилось несладко, но таких потерь, как у вас, конечно, не было. Правду говорят, что во время десантирования одних только шлюпок было разбито двадцать семь штук?

– Не считал, – отвечал черный полковник. – Наверное, около того. Если бы эскадра не поддержала нас огнем, подавив береговые батареи турок, никто из нас не ступил бы на берег. Не поверите – прибой покраснел от крови. От моей роты осталась половина. Но за пляж мы все-таки зацепились и укрепления первой линии взяли. Сунулись на ура брать вторую линию – а турки в контратаку! Сам не понимаю, каким чудом мы их опрокинули. И вот уже в турецкой траншее налетел на меня один... Кричит что-то, глаза злющие, голова обритая без фески, винтовку тоже где-то потерял, зато ятаганом – вжик! Видите, как он меня разукрасил? – Рукой в перчатке полковник притронулся к своему страшному шраму. – А в револьвере у меня пусто, куда девалась шашка – понять не могу, наверное, осталась где-то позади в куче-мале. Если бы не ручная граната, тот турок мне голову снес бы...

– Ручная граната? Удивительно.

– А, ничего удивительного. Обыкновенная ручная граната русской системы. С рукояткой. Удобнейшая вещь. Инстинкт выручил, ей-богу! Кольцо я дергать не стал, а просто врезал этому турку гранатой по бритому темечку. Как дубинкой. От всей широты русской души. А потом уже кровь мне лицо залила, ничего не вижу, одно понятно: опять вроде живой остался... Жаль, ту гранату мои орлы истратили, я бы ее хранил как реликвию. Прекрасное оружие эти ручные гранаты!.. А вы, простите, в той кампании участвовали в каком качестве?

– В Смоленском драгунском полку в чине поручика командовал полуэскадрой.

– Да ну? И сшибки были? Отчего же, хотелось бы мне знать, вы впоследствии избрали... э-э... иную стезю?

– По выходе в отставку с военной службы получил предложение и согласился. Что же тут удивительного?

– Поня-атно, – со значением протянул полковник и надолго замолчал.

Нил глазел по сторонам – и было на что глазеть. То там, то тут из воды поднимались стены фортов. На некоторых можно было разглядеть дула огромных пушек. Спереди надвигался, вырастая из моря наподобие града князя Гвидона, остров Котлин.

Глава третья,

в которой граф Лопухин остается доволен «Победославом», чего никак нельзя сказать о наследнике престола, Нил слышит странные слова, а Еропка приходит в ужас в третий раз

Капитан Пыхачев, представительный мужчина лет пятидесяти, несолидно пританцовывал от возбуждения, вода гостей по кораблю. «Победослав», стройный красавец, чуть заметно покачивался на мелкой зыби, то и дело наваливаясь бортом на бревна и мешки с шерстью, свешенные с пирса на цепях и канатах. Приборка только что кончилась, дубовый настил палубы сиял чистотой. Несколько матросов под присмотром коренастого боцмана усердно надраивали медяшку. Высокая дымовая труба между фок- и грот-мачтами была выкрашена в черно-желтый цвет, что придавало ей вид шершня.

– Чудо, а не судно! – восторгался капитан. – Без малого две тысячи тонн, и машина удивительной мощности. Огнетрубные котлы новейшей конструкции! Управляемый зубчатый редуктор позволяет менять ход, не меняя давления пара. На этом мы экономим уголь. А обводы! Вы обратили внимание на силуэт? Лебедь! Стрела! На полном ходу я могу дать четырнадцать узлов, а кратковременно – до шестнадцати. И это, заметьте, без парусов! А при свежем бакштаге...

Рукой в белоснежной перчатке Розен провел по поручню трапа. На перчатке не осталось следа.

Лопухин, с самого утра еще ничего не евший, вежливо скучал. Вдохновенное красноречие Пыхачева показалось бы ему забавным, если бы не так сильно

подводило живот. Граф знал за собой слабость к людям, влюбленным в свое дело. Но черт побери, капитан мог бы догадаться накормить гостей!

– Впервые команду столь прекрасным судном! – разливался соловьем Пыхачев. – Новейшая технология корпусного набора! Представьте, господа: четные шпангоуты и бимсы выполнены из беспорочного дуба, а нечетные – стальные. Корвет удивительно крепок, а как он слушается руля, господа! Вы посмотрели бы, как он управляется в свежую погоду! Мореходность просто замечательная...

Пустой желудок Лопухина выдал музыкальную руладу.

– А броневой пояс по всей длине корпуса! – продолжал восторгаться капитан, ничего не замечая. – Дубовая обшивка толщиной в один фут, а поверх нее – вы не поверите – два слоя легированной стали! Да-да! Это чудо металлургии, господа! Причем внешний дюймовый слой хромо-молибденовой стали обладает удивительной твердостью, а внутренний, также дюймовый, – вязкостью. На полигонных испытаниях такой «бутерброд» выдерживал десятки попаданий шестидюймовых конических бомб...

– Фугасных, конечно? – полуспросил-полуконстатировал Розен. – А бронебойных?

– Бронебойный шестидюймовый снаряд такую броню пробьет, – удрученно согласился Пыхачев, но сейчас же спохватился: – Правда, только на близкой дистанции и под прямым углом. А разве мы позволим противнику подойти к нам вплотную? У нас две восьмидюймовки на поворотных платформах. Вон на носу – одна из них. Вторая на корме. У нас, наконец, в каждом борту по пять казнозарядных скорострельных четырехдюймовок и на крайний случай две митральезы на верхней палубе! Мы можем драться.

– Безусловно, но...

– От боя с броненосцами мы уклонимся благодаря преимуществу хода, а легкие суда нам не страшны – утопим. Кроме того, с нами пойдет канонерская лодка.

– Вот это меня и пугает, – задумчиво вымолвил Розен.

– Почему же? – изумился Пыхачев. – Правду сказать, у «Чухонца» всего одно орудие, зато какое! Одиннадцать дюймов! Вес бомбы почти двадцать пудов. Не хотел бы я, чтобы такой гостинец угодил в моего «Победослава»! Нет-нет, господа, «Чухонец» нам крайне полезен. Он, правда, медлителен, развивает всего десять узлов, но ведь мы же не в гонке участвуем!..

– Каперанг рассчитывает после похода махнуть в контр-адмиралы, – шепнул Лопухину Розен. – Надеется на русское авось. А «Чухонец» – гнилая дрянь...

– Однако же одобренная морским министром, – шепнул в ответ Лопухин.

– То-то и оно. Я уже протестовал, но без толку.

Капитан Пыхачев был настолько занят восторгами по поводу «Победослава», что не заметил этих перешептываний.

Наконец дошло дело и до трапезы. Кают-компания встретила гостей гулкой пустотой. Пыхачев объяснил, что все офицеры, кроме вахтенного начальника, отпущены на берег. Поскольку завтрак давно уже кончился, а обед еще и не думал начинаться, кок мог предложить изголодавшимся Лопухину и Розену лишь холодную телятину с сельтерской. Граф удовлетворенно отметил, что вино до «адмиральского» часа не было предложено. По-видимому, капитан свято чтит морской устав.

Впрочем, телятина под горчицей была хороша.

– Вероятно, в походе нам придется питаться по большей части солониной и сухарями? – осведомился мало знакомый с морским бытом Лопухин.

Капитан обиделся:

– Отчего же солониной? Пусть меня разжалуют, если я заставлю вас хоть раз ее попробовать! Нижним чинам – и тем иной раз достается свежатинка. Я беру на борт двух быков, десяток свиней и птицу. На Сандвичевых островах, разумеется, закупим еще. И с ветерком в Йокогаму! Пшеничная мука есть. Масло постное и скоромное... Возможно, пополним запасы провизии и раньше, например в Дании...

«Так и есть: заход в английские порты не планируется», – подумал Лопухин.

– Закупите лучше побольше угля, – вставил Розен. – Что солонина да сухари? Еда как еда. Свежих фруктов только к ней надо, от цинги.

– Пятьдесят ящиков лимонов уже погружены.

– Дельно.

Дальнейший разговор не склеился. Капитан посопел носом, затем набил трубку и запыхтел ею. Терзая вилкой телятину, Лопухин незаметно приглядывался к Пыхачеву. Гм... Довольно демонстративно делает вид, что обижен, а значит, не обижен нисколько. Маска. Зачем она вам, Леонтий Порфирьевич Пыхачев, верный служака, моряк в пятом поколении? Только ли для того, чтобы высокие гости из чувства деликатности не совались в ваши капитанские прерогативы?

Данной загадки он не решил и не огорчился. Только в дешевых романах гениальные сыщики могут рассказать о человеке все по беглому взгляду на усы его дворецкого. В действительности одна встреча – повод для размышлений, не более. Для обоснованного вывода этих встреч нужно по меньшей мере две.

– Благодарю, было вкусно, – сказал граф, бросив салфетку рядом с пустой тарелкой. – Сделайте мне любезность, Леонтий Порфирьевич, прикажите вестовому поводить меня по корвету. Нет-нет, я не смею злоупотреблять вашим временем. У вас, вероятно, его и так немного.

– Истинная правда, – согласился капитан, поспешно вставая с места. – Столько всего еще не погружено... за всем глаз да глаз нужен... старший помощник отпущен в увольнение, а баталер новый, из добровольцев... хочу приглядеть сам... вы извините меня, господа? Я пришлю вам боцмана. Лучше него вам никто корвет не покажет.

– Через четверть часа, Леонтий Порфирьевич. Хочу покурить на воздухе. Ваш боцман найдет меня на верхней палубе.

Вслед за графом наверх поднялся и Розен. Отрицательно качнул головой, увидев подставленный Лопухиным портсигар:

– Благодарю, но от папирос откажусь. Привык к сигарам. Вот «канберра» ручной свертки. Не угодно ли?.. Но где же эти бездельники?

– Кто? – не понял Лопухин.

– Мои головорезы. Не обращайтесь внимания. У вас свои заботы, у меня свои.

И хотя граф имел на сей счет иное мнение, перечить он не стал. Еще не время. Очень скоро полковнику Розену придется убедиться: у того, кто отвечает за безопасность персоны наследника престола, не может быть чужих забот. Все заботы на судне и около – его заботы. Всюду ему придется сунуть свой нос, нравится это Розену или нет.

К сходям подкатила подвода. Несколько матросов и докеров принялись таскать мешки. Свежий ветер морщил воду, тербил снасти. Теснились к воде портовые строения, и сиял над их плоскими крышами купол собора, упираясь крестом в низкое небо. На внешнем рейде слабо дымили броненосцы «Нафанаил», «Рафаил», «Селафаил» и «Иегудиил».

– Вот настоящие корабли, – вздохнул Розен. – Не то что... Кстати, граф, вам известна история нашего корвета?

– Хм-м... – затруднился Лопухин. – По-моему, у него еще нет никакой истории. Судно совсем новое.

– Да, но закладывалось оно как императорская яхта. Хороший ход, изящество, комфорт, а вооружение только для салютационных стрельб. Потом многое переделали. И все равно судно осталось светской кокеткой, напялившей доспехи поверх бального платья. Вооружение слабо, бронирование недостаточно, угольные ямы малы, планировка неудобна.

– Капитан, кажется, держится иного мнения?

– Да, и в том беда его и наша. А вон, – указал Розен, иронически усмехнувшись, – приют убогого «Чухонца».

У соседнего пирса стоял неказистый с виду колесный пароходишко с закопченной трубой и двумя невысокими мачтами. Даже толстый ствол орудия на баке не мог придать ему воинственный вид.

- Он действительно развивает всего десять узлов? - спросил Лопухин.

- В штиль, надо признать, разовьет. Тем более что ему недавно очистили в доке днище. Но уже на трехбалльной волне эффективность гребных колес сильно падает. Боюсь, «Чухонец» все время будет отставать, а мы - ждать его. Кой черт боюсь - я уверен в этом!

- Почему же морское министерство настояло именно на «Чухонце»?

- Знать не могу - могу гадать. Плоха посудина, зато экипаж хорош. Капитан Басаргин толк в людях знает. Да и одиннадцатидюймовка нам очень даже может пригодиться, тут Пыхачев прав.

- Экипаж «Победослава», стало быть, хуже?

- Я этого не говорил, - осторожно сказал Розен. - Но посудите сами: чья-то умная голова решила скомплектовать экипаж наполовину из старослужащих, а на вторую половину - из гардемарин. Мальчишки замечательные, но я специально выяснил: для большинства из них это плавание второе в жизни. Да и то первое было всего-навсего учебным крейсерством на Балтике. Как прикажете это понимать? Само собой, гардемаринам нужна морская практика, но почему непременно на «Победославе»?..

- И вы, конечно, протестовали, - с легкой улыбкой предположил Лопухин.

- Не злите меня. Да, протестовал. Кроме того, настаивал на включении в состав нашей группы одного транспортного судна. О результатах вы, я вижу, уже догадались.

Раздраженно жуя сигару, Розен отошел. Посмотрев вслед ему с сочувствием, Лопухин извлек из внутреннего кармана самопишущее перо и начертил на вырванном из блокнота листке несколько строк. Затем поманил к себе пальцем мающегося без дела Нила:

– Вот тебе рубль серебром. Снесешь эту записку в Большой дом, отдашь лично в руки генералу Сутгофу. Только ему и никому другому. Затем отправляйся без задержки в «Англетер», разбуди там моего слугу, он наверняка спит, бездельник, и передай ему, что я жду его как можно скорее со всем багажом. Номер в гостинице мне больше не нужен. Да сам не забудь вернуться. Ну, что стоишь? Непонятно что-нибудь?

Нил кивнул.

– Внимательно тебя слушаю.

– Где искать Большой дом?

– Темнота. На Литейном. Спросишь – покажут. Только гляди у кого спрашивать. Еще что-нибудь?

– Но... как же я попаду в Питер?

– Сходни видишь? Ну и ступай.

– Барин, это остров!

– Я начинаю думать, что ты не из Сибири, а из Пошехонья, – сердито сказал Лопухин. – С рублем в кармане и смекалкой в голове можно добраться на край света. Тебе нужен совет? Пожалуй, дам один: не следует переходить залив по льду. До ледостава еще полгода, а Еропка нужен мне сегодня, от крайности завтра утром. Уяснил? Ну, дуй живее.

Нил дунул – только пятки засверкали.

...Коренастый боцман, уже виденный Лопухиным и отрекомендовавшийся Зоричем, не выказывал ни излишнего подобострастия, ни неудовольствия данным ему поручением, ни плохо скрываемого презрения к сухопутному. Битых два часа он сопровождал Лопухина по всем закоулкам судна, то и дело отвечая на бесчисленные вопросы «а это зачем?», «а тут что у вас?» с неумолимостью исправного механизма. Была в нем какая-то неторопливая основательность –

качество, Лопухиным уважаемое.

Начали с кают. Бегло осмотрев свою, граф надолго задержался в походных апартаментах цесаревича. Проверил задрайки иллюминаторов, проявил большой интерес к дверному замку, для чего-то простучал обитые шелком переборки, подергал дорогую мебель, привинченную к полу на случай шторма. Изрядное внимание уделил светильникам – как электрическим, работающим от динамо-машины и поэтому сейчас бездействующим, так и масляным. Проверив крепления последних, пощелкав пальцем по металлическим колбам и удостоверившись в том, что опасность пожара сведена к минимуму, заглянул в ванную комнату, убедился в исправности ватерклозета и ничего не сказал.

Столь же пристальному вниманию подверглась соседняя каюта, размером поменьше и мебелировкой попроще, предназначенная для слуг наследника. Затем наступил черед машинного отделения, кубрика, камбуза, лазарета, оружейной палубы, снарядных погребов, гальюна, трюмов... Не остались без внимания и угольные ямы.

– А это что за помещение?

– Так что, извольте видеть, корабельная мастерская, вашскобродь, – отвечив боцман, пропускает графа вперед. – Тут лейтенант Гжатский мудруют. Бывалоча, по цельным суткам наверх носу не кажут, токмо токарный станок зужжит.

– Тот самый Гжатский, изобретатель морской гальваноударной мины? – проявил осведомленность Лопухин. – Тот, что построил воздухоплавательный аппарат тяжелее воздуха и пролетел на нем двадцать одну сажень?

– Истинно они.

– А это что, – указав граф на некое цилиндрическое тело аршина в четыре длину, – новое изобретение? Тоже для воздухоплавания?

– Не могу знать, вашскобродь.

– Надеюсь, со взрывчаткой он здесь не экспериментирует?

– Никак нет. То во флотских мастерских, на берегу. Надо думать, их благородие и сейчас там. Они сурьезные.

По тому, как это было сказано, Лопухин понял, что боцман Зорич лейтенанта неподдельно уважает. Слушайте интонацию! У нижних чинов и унтер-офицеров она бывает весьма выразительной. В интонации скрыта настоящая оценка, не казенная. Иной с виду предан без лести всякому начальству, а прислушаешься – ого! А если не интонация, так физиогномика. Красноречивее слов.

– Ясно. А здесь что? Почему опечатано?

– Так что, вашскобродь, дирижабль.

– Не понял.

Зорич отер пот со лба.

– Вы бы лучше, вашскобродь, у командира спросили или у лейтенанта Гжатского, им лучше знать. А я так слышал: велено удивить японцев и показать, что мы не лыком шиты. Англичане в прошлом году привезли в Японию железную дорогу узкоколейную сажень на двести длиной да и паровоз по ней пустили. Ну а мы, стало быть, везем дирижабль. Вот в этом трюме каркас, значит, хранится разобранный, из гнутых труб, оболочка мягкая, двигатель, машина для добычи водорода и всякое запасное имущество. Пускай себе японцы английским паровозом чванятся, а мы над ними летаем. То-то удивятся!

– Чудны дела твои, Господи! – поразился граф. – Еще какие-нибудь помещения на борту имеются?

– Токмо каюты капитана и господ офицеров, вашскобродь.

Лопухин кивнул. Уж если почти вся команда отпущена на берег, то офицерские каюты несомненно заперты. Но раз нет критической ситуации, хранящиеся в саквояже отмычки не понадобятся. Осмотр кают можно произвести позднее под видом нечаянных визитов.

– А это что за свертки? – указал Лопухин уже на верхней палубе.

– Так что, пробковые койки, вашскобродь, – отвечал Зорич. – Связаны и уложены в коечные сетки для просушки.

– Для просушки? Любопытно... А если дождь?

– Все равно положено, вашскобродь. Ежели ненароком выпадет кто за борт, ему койку кинут. А в бою – защита от пуль и картечин. Очень полезительное средство, многих спасло.

– Ясно. Спасибо, братец. Свободен.

Боцман убежал – и вовремя. Сводная команда матросов и докеров готовилась к погрузке скота. Огромнейший бык, удерживаемый за кольцо в носу, косил кровавым глазом, мычал и, кажется, не был согласен с перспективой морской прогулки. Под брюхо ему подводили брезент на тросах. По сходням тянули за уши упитанную свинью. На юте стучали молотки – там спешно заканчивали сколачивать тесные, как вагонные стойла, загоны. Сейчас же в стук вплелась виртуозная брань Зорича, недовольного медлительностью работ.

Думалось о деле.

И еще думалось Лопухину о том, что права русская поговорка: хуже всего ждать да догонять. Да, наверное. Но разве не в этом заключена вся суть работы сыщика?

Догонять пока было некого, приходилось ждать наследника, который, надо думать, прибудет завтра.

Ждать и наблюдать. В сущности, бездельничать. Тратить мозговую энергию на изобретение и решение вряд ли нужных проблем, чтобы только не думать о великой княжне Екатерине Константиновне. Что ей с высоты ее происхождения какой-то статский советник, да еще связанный с Третьим отделением! Разве райские птицы купаются в грязи?

Но уже сегодня должны прибыть секретные документы от генерала Сутгофа. И тогда начнется работа.

Скорее бы.

Нил был в растерянности.

Нет, он не думал о том, как добраться до Питера. Барин был прав: с серебряным рублем в кармане человеку везде дорога. Если уж честно, Нилу потребовалась гораздо меньшая сумма, чтобы проехать пол-России. Правда, без комфорта. Мягко говоря.

Дело было в другом.

Казалось бы – вот он, случай сбежать от таинственного графа, который не удосужился даже покормить своего человека! Не то слугу, не то воспитанника, в этом Нил еще не разобрался. Но покормить, да и обсушить все равно следовало. Хорош благодетель!

Зябко. Голодно.

Нил жалел себя, как побитая собачонка. Сбежать?

Ну уж нет!

Не секут – это раз. Барин позабыл накормить, зато дал денег. Авось после поездки и обеда еще сдача останется. Это два. А самое главное – интересно! Граф – большого ума человек. И барин важный. Сам царь-государь с ним вон сколько времени разговаривал. А самого Нила вытащил из воды великий князь. Как подумаешь, так голова кружится. На родине об этом лучше и не рассказывать – чего доброго накостыляют по шее за вранье. Ну, дела!..

Нил приободрился. Ноги пошли живее. А что в животе скучно, то это нам, как говорила бабушка, наплевать и размазать. Это мы мигом исправим.

Он разменял рубль, купив у торговки два бублика, и немедленно сжевал их. Жизнь начинала удаваться. Главное, она стала интересной и обещала впереди еще больше интересного. Да за такое пусть бы даже пороли – потерпеть можно!

Нил даже засвистел, глубоко засунув руки в карманы. Сейчас же под руку попала записка. Интересно узнать, что в ней?

Грамоту Нил понимал. Четыре класса церковно-приходской – это вам не комар начихал. Отец, покуда был жив, вразумлял чадо: «Учись, сынок, не то чалдоном вырастешь, чалдоном и помрешь». Понукаемый к учебе словесно и при помощи вожжей, Нил превзошел все главные науки: правописание, арифметику, Закон Божий. А чего не превзошел, того, по его убеждению, и знать не стоило.

Он никогда не рискнул бы вскрыть запечатанное письмо. Но в кармане лежала просто записка – сложенный вчетверо лист из блокнота. Если бы барин хотел сохранить содержание записки в тайне, он как пить дать запечатал бы ее сургучом!

Утешив себя этим соображением и на всякий случай воровато оглядевшись по сторонам, Нил развернул лист. Увы, его ждало жестокое разочарование. Вместо нормальных русских слов по бумаге разбегались какие-то каракули. И букв-то таких не бывает...

До Васильевского острова Нил добрался самым простым способом: на крошечном почтовом пакетботе. Теоретически это стоило денег, но какому мальчишке трудно сквасить плаксивую рожу и зануть о несчастной своей доле? Типичный мальчишка на побегушках, то ли ученик сапожника, то ли трактирный слуга. После купания гимназическая форма, и без того старая, выглядела совсем плачевно и никого не могла обмануть, что Нилу и требовалось. «Сигай сюда, килька», – добродушно сказал ему усатый дядя и помянул недобрым словом Нилова хозяина.

Нил пробрался на самый верх. От пронизывающего ветра он укрылся за толстой черной трубой, извергающей дым; от трубы, кроме того, шло тепло. Нил еще немного постучал зубами по инерции, потом понял, что совершенно обсох. Пакетбот исправно раздвигал воду. В разрывах серых туч показалось солнце, и сейчас же ослепительно блеснул вдали золотой купол Исаакия. Справа и слева берега были низкие, приплюснутые и находились страсть как далеко. Понадобится доплыть – три раза потопнешь. Вона оно какое, море-акиян!

Через час причалили. Пришвартовались, как сказал добрый дядя. Весь Васильевский остров Нил прошел пешком, дивясь на улицы, которые здесь

почему-то назывались линиями. Ну, на Пятой-то линии, наверное, прятался секретный оружейный завод, где делают винтовки-пятилинейки, это было понятно. А остальные линии? Неужто на них строят линейные корабли?

Сколь Нил ни вертел головой, кораблей он не увидел и пришел к выводу, что видеть их нельзя. Очень секретные. А потому, надо думать, строят их не прямо на улицах, а во дворах, куда просто так мимо дворника не пройдешь. Ой, мамочки!..

Мысль эту пришлось выпустить на волю, чтобы не мешала. Зато в строительстве разводного моста через Неву не было, по-видимому, ничего секретного. Нил вволю налюбовался на работу преогромнейшей паровой лопаты. Сердито пыхтя, дымя из высокой трубы и плюясь паром, чудо-механизм орудовал большущим загребалом на коленчатой ноге. Загребало было снабжено зубьями, чтобы ловчее вгрызаться в землю-матушку. Нил в восхищении покрутил головой. Ишь ты.

Однако же моста, разводной он там или нет, еще не было. У стрелки Васильевского острова мироед-перевозчик после долгого торга согласился на двугривенный, но с условием ждать попутчиков. Таковые скоро нашлись в лице двух студентов Горного института – с них мироед слупил по целому полтиннику, и те даже не пикнули. Известное дело – господа. Мундиры носят. Прошлым летом Нил видел одного горного инженера с золотых приисков, так ему сам пристав козырял и каблуками щелкал, а инженер в ответ только головой легонько вот этак кивал – и все. Ва-ажный!

Язык, он и до Киева доведет, а уж до какого-то там Литейного тем более. Правда, пешком по Невскому Нил пробираться не дерзнул – заметил среди разночинной публики нескольких субъектов с совершенно волчьими глазами. Бандюганы, не иначе. И полиции тут было много. Того и гляди замешаешься в какую-нибудь историю и не выполнишь поручение барина. К тому же первое поручение. Что тогда барин подумает? Иди, скажет, Нил с Енисея, на все четыре стороны, ошибся я в тебе, ни на что-то ты не годен...

Но что за город! Красивый и чудесный, устанешь дивиться, зато на кривых московских улицах не в пример уютнее. А тут как будто какой-то свирепый городской ростом до неба взял да и нарубил улицы шашкой – и вдоль, и поперек, и наискось. Длинно и прямо. Вроде и не так далеко, а идти скучно.

Как Нила занесло на Сенную, он и сам не понял. Наверное, напутал прохожий, указавший направление, или зло подшутил. А может, пролетка, на запятках которой Нил бесплатно прокатился, свернула не туда. Разве поймешь! В тайге заблудиться куда сложнее, чем в таком городе. Ну да ништо, дать крюка можно, ноги, чай, не отвалятся...

Огибая краем Сенной рынок, Нил читал вывески на торговых палатках и павильонах: «Колбасы Смердяева», «Скобяной товар. Б.Медведицын и сыновья», «Лучший урюк из азиатских колоний», «Мясо от Петра Скоромного» и тому подобное.

Надрывались зазывалы. Среди публики бойко сновали офени с мелочным товаром. А сколько народу торговало всякой всячиной с лотков! Были тут степенные владимирские и костромские мужики, окающие почище сибиряков, шустрые москвичи, налегающие на «а», ладогожане с пристрастием к букве «и», бранящиеся не по-русски белоглазые чухонцы и прочий нездешний люд. Был даже якут в кухлянке, выставивший на прилавок свой товар: соленую лососевую икру, смешные фигурки из рыбьего зуба и неплохой сохранности бивень, потерянный в якутских краях неизвестным мамонтом.

Лица, лица... Преобладали простонародные, но попадались и чиновные, и барские, и духовные. Сколько лиц!..

У ограды рынка гнусавили нищие с нарочно растравленными язвами, но к Нилу не приставали – скорее, наоборот, следили, как бы шкет сам не попер их милостыньку. Ну их. Нил вспомнил, как сам два дня нищенствовал на станции Тайга. Тоже пробовал ныть жалостливо. Подзатыльников огреб несчетно, а денег – семь копеечек, да и те отняла местная шпана. Кто по-настоящему нуждается, тот никогда много не выпросит, сноровка не та. К ниществу талант нужен и прилежание. Не вдруг научишься. Коли не желаешь попрошайничать всю жизнь, нечего и пробовать.

На Гороховой две кухарки, возвращающиеся с рынка с полными корзинами всякой снеди, горячо обсуждали сравнительные достоинства бульварных романов Ксаверия Ропоткина и Павла Леханова. Солидно процокали копыта ломовой лошади, и литературный спор был перекрыт зычным криком городского: «Куда прешь, морда! Осади назад! Ломовым не велено! Вот я тебя, мерзавца...»

Столичные извозчики вообще удивляли Нила. Помимо обычных «ванек», выглядевших пофрантоватее московских, и лакированных лихачей, тут обретались еще и «вейки», шиком пожиже, а то и вовсе безо всякого шику. Третий сорт. Как раз ломовому «вейке» городской и орал: «Назад, назад подай, ворвань чухонская!»

«Всюду жизнь», – философски подумал Нил.

Вскоре он вышел на набережную еще одной речки – уже третьей, если считать от Невы. Все-таки воды в этом городе было ненормально много. «Фонтанка», – прочитал Нил табличку возле моста и стал вертеть головой в поисках фонтанов, но ни одного не нашел.

У парапета стояли двое: важный полный господин в летнем пальто и черном цилиндре и с ним другой, молодой и одетый поплоче, по виду – не то приказчик, не то из каких-то других полупочтенных. Они вели беседу. «Дестроу экскришнс», – царапнул слух нелепый обрывок фразы.

– Дяденьки, – обратился к ним Нил, пораженный непонятной тарабарщиной и не сообразивший, что эти двое могут и не разуместь русского языка. – Дяденьки хорошие, явите милость, укажите, как бы мне выйти на Литейный, а? Сами мы не местные...

И тотчас испугался – так на него зыркнули. Нил знал этот взгляд – недобрый, оценивающий. Так смотрят на помеху уголовники и полицейские.

Но ничего не случилось.

– Топай прямо, – на чистейшем русском ответил тот, что был одет поплоче, и махнул рукой вдоль Фонтанки, – а на Невском свернешь.

– Спаси Христос, дяденька! – поблагодарил Нил и удалился степенно, хотя ему очень хотелось убежать. Он так и не понял, отчего ему вдруг стало страшно.

Но оглянуться он посмел лишь шагов через двести.

Странной парочки уже не было на набережной. Лишь накрепко засели в голове непонятные слова «дестроу экскришнс», похожие на скрежет какого-то механизма. Да еще с гадючьим шипением в конце. Нил помотал головой, но слова никуда не вылетели.

Ерунда какая-то.

Больше никаких происшествий не случилось, если не считать того, что сначала Нила долго не хотели пускать к «самому», а потом все-таки пустили, зачем-то проведя руками по его одежде. Важный генерал принял записку, прочитал ее, нимало не смутившись дикой тарабарщиной, пощипал себя за пышные бакенбарды и сказал: «Передай графу, пусть не беспокоится».

Вот и все. Даже неинтересно.

«Бездельниками», по выражению полковника Розена, оказались морские пехотинцы числом до роты. Строй черных бушлатов замер на пирсе. Последовал начальственный разнос за получасовое опоздание, впрочем, по всему видно, больше для порядка, чем по действительной необходимости.

Лопухин, только что вернувшийся на борт «Победослава» после осмотра «Чухонца», отметил про себя, что Розен любит своих головорезов и те это знают. Давний, но никем не отмененный указ Петра Великого, гласящий, что «подчиненный перед лицом начальствующим должен иметь вид лихой и придурковатый, дабы своей разумностью не смутить начальствующего», выполнялся только наполовину: лихости хватало, зато дефицит придурковатости бросался в глаза.

Сделав такое наблюдение, граф глазами зеваки рассеянно понаблюдал за размещением морской пехоты. Два взвода, громыхая сходнями, устремились на «Победослав», третий взвод заколыхал щетиной штыков и потек к «Чухонцу». На поясах бездельников-головорезов устрашающе покачивались, цокаясь друг о друга, любимые Розеном ручные гранаты.

В половине седьмого прибыли Еропка, Нил и багаж. Первый был не в духе, второй все еще продолжал дивиться, а третий не только избежал усушки и утруски, но даже пополнился «Одиссеей» в дорогом иллюстрированном издании.

Будущий читатель шедевра, созданного греческим слепцом, здраво рассудил, что барин не обеднеет, а хорошая картинка в книге скрасит постижение любой галиматьи.

Но только когда барин показал предназначенную Еропке и Нилу тесную каюту, до слуги наконец дошел весь трагизм ситуации. Что «Одиссея»! Подумаешь – странствия какого-то грека, который к тому же давно помер! Своя рубаха ближе к телу, чем его хламида.

– Так мы что же – идем в плавание?!

– А ты думал куда? – попыхивая папироской, сказал граф.

Еропка выглядел как висельник, влекомый на эшафот.

– Далеко ли?

– В Японию. Не слышал? Есть такая страна на краю света.

Еропка издал сиплый звук, как будто пониже его бороды уже затянулась тугая петля.

– Барин, да как же это?! – возопил он, едва придя в себя. – Да рази ж можно так сразу, не предупредимши?..

– Долг службы, – сказал граф. – А ты чего раскукарекался? Не нравится – получай расчет, и чтобы я тебя больше не видел.

На глаза слуги навернулись слезы.

– Жестокий вы человек, барин, – молвил он. – А только мне все едино. Куда вы, туда и я. Прикажете распаковать вещи?

– Да, только быстро.

В восемь часов, когда процесс распаковки вещей еще не был завершен, прибыл жандармский ротмистр с большим опечатанным портфелем. Приняв портфель под расписку, Лопухин сейчас же унес его в свою каюту, отослал Еропку, заперся на ключ, тщательно занавесил иллюминатор и углубился в изучение содержащихся в портфеле бумаг.

В девять часов четверо грузчиков с натужным пытанием проволокли по сходням небольшой, приземистый, явно очень тяжелый несгораемый шкаф, и вахтенный офицер не стал интересоваться, кому предназначен сей предмет мебели, – ясно было и так.

В половине десятого прибыл еще один курьер, привез объемистый пакет и долго в каюте графа не задержался.

После десяти часов вечера на борту сделалось людно, запахло перегаром. Virtuозно ругался вахтенный начальник, вызывая сдержанное одобрение матросов и краску на лицах юных гардемарин. Команда погуляла на берегу в целом культурно: ни сильно пьяных, ни сильно битых. Лишь одного кочегара, принесенного товарищами совсем сомлевающим, отливали водой на баке. К носам двух опоздавших боцман Зорич поднес громаднейший кулачище и доложил вахтенному начальнику их фамилии.

Тот только рукой махнул:

– Что мне опоздавшие! С часу на час ожидаем самого Михаила Константиновича, а тут, извольте любоваться, этакая банда! Распорядитесь-ка, голубчик: кто навеселе – тем сейчас же спать до протрезвления. После с ними разберемся. А то учует его высочество этакий дух...

– Ему понравится, – весело предположил кто-то из матросов.

– Кто сказал?! – вскинулся вахтенный начальник, но за громовым хохотом услышан не был. Покривил губы, покусал ус, рассмеялся сам. – Всем, кроме вахтенных, отбой! Позовите Аврамова, пусть даст нашатыря этому папуасу... Позор! Моряк, а пить не умеет...

На том и кончился день. Какое-то время горел свет в кают-компании, но потом погас и он. Лишь в каюте, занятой чиновником Третьего отделения, о чьей

таинственной персоне уже успели распространиться слухи, долго не ложились спать, и лучик света от масляной лампы, пробившись сквозь занавеску, падал в зябкую черноту Финского залива и плясал на мелкой зыби.

Кто-то поцарапал дверь. Донесся приглушенный шепот: «Барин, а барин...» Лопухин открыл глаза и рывком сел на койке.

Отдернул занавеску.

Судя по скудному свету, пробивавшемуся извне, рассвет уже наступил, обещая петербуржцам серый день с моросью из низкого неба – такой день, что лучше бы и не надо. Лопухин прекрасно знал, что именно в такие дни полицейские сводки пестрят сообщениями о кошмарных убийствах, совершенных «просто так», без внятных мотивов.

Не повезло столичным жителям с климатом. Ступил однажды Петр Великий на зыбкий бережок, забрел в болото, топнул ботфортом, распугал лягушек и повелел строить здесь.

Построили. А как жить под серым давящим небом? Возвели две иглы – Адмиралтейскую и Петропавловскую – чтобы ковырять ими низколетящие облака, да так ничего и не проковыряли. У кого погода, а у петербуржцев – только климат. Иные уверяют: пожили, переболели сколько нужно бронхитами и чахоткой и приспособились. Вывелась-де новая человеческая порода. Ой ли?

Как будто можно перейти в иную, лучшую породу, наглотавшись разных лечебных декоктов! Как ни живи – хоть имей три доходных дома и особняк с каменными львами на воротах, хоть ходи каждый день в присутствие и дослужись к пенсии до титулярного советника, хоть в фартуке с бляхой мети дворы, – все одно помрешь от водки и от простуд, как обыкновенный хомо сапиенс. Какая новая порода, о чем вы, господа? Любой иноземец скажет: русские люди всюду одинаковы, от Нарвика до Камчатки, от Николаева-на-Мурмане до Константинополя...

Спросонья графу всегда являлись ненужные мысли – явились, пронесли в долю секунды и исчезли.

Карманные часы показывали четверть седьмого. Однако!..

Снова царапанье и шепот:

– Барин, а барин...

Мальчишка, конечно же. Нил с Енисея.

Накинув персидский халат, граф повернул ключ в дверном замке:

– Чего тебе в такую рань? Гальюн ищешь, что ли?

Нил изо всех сил замотал головой. Выглянув в коридор – никого, граф втащил мальчишку в каюту.

– Ну?

– Барин, тут на корабле один человек, – выдохнул Нил. – Я вчера его видел.

– Где?

– В Питере. Возле речки.

– Какой человек?

– Обыкновенный. В картузе. С ним еще другой был, так тот важный господин. Шапка у него, как труба у паровоза.

– Цилиндр? Ну так что же?

– Странные они, – сообщил Нил. – Тот, который важный, и кричит: «Дестроу, – кричит, – экскрикснс». Видать, язык у него без костей. А тот, что в картузе, кивнул только.

– Погоди-ка... – Граф вдруг заинтересовался. – Ты говоришь, один из них находится сейчас на борту «Победослава»? Тот, что был в картузе?

– Как бог свят, барин! Он это. Только он теперь без картуза и одет по-моряцки. Вечор взошел на палубу и сразу вниз – нырь!

– Стой! Сядь и рассказывай подробно. С самого начала.

Рассказ Нила многократно прерывался вопросами со стороны графа. Нил весь извелся. Поди объясни, зачем его занесло на Гороховую! Знал бы – объяснил, жалко, что ли? И не менее трех раз барин заставил Нила повторить услышанные странные слова.

– Дестроу экскрикшнс. Точно так, барин. Слово в слово.

– А что-нибудь еще из их разговора ты случайно не запомнил?

– Нет, барин. Они не по-нашенски разговаривали. А я у них дорогу спросил. А этот в картузе как на меня зыркнул...

– Ну-ну. Испугался?

– Еще чего! – возмутился Нил. – Ничего я не испугался, а слова ихнии запомнил. Может, зря?

– Может, и не зря, – сказал граф. – Скажи-ка лучше: он тебя хорошо рассмотрел?

– Он? Надо думать, хорошо. Вот так вот я стоял, а вот этак – он...

– Ну и не мельтеши теперь у всех на виду. Сможешь мне его тайно показать? Я позабочусь, чтобы он тебя не увидел.

– Показать? Я-то? Смогу, барин. А кто он?

Последний вопрос Нил задал шепотом. Сам понял: дело серьезное.

– Кем бы он ни был, тебе на «Победославе» оставаться нельзя... – Несколько секунд Лопухин напряженно раздумывал. – Боюсь, что мое намерение устроить твое будущее придется отложить до лучших времен... Или вот что: на «Чухонце»

пойдешь? Снесешь капитану Басаргину записку, он возьмет тебя юнгой. Согласен?

Нил в нерешительности переступал с ноги на ногу.

- А бить будут? - спросил он с опаской.

- Обязательно, - пообещал граф. - Юнг бьют. Зато полсвета объедешь, разные страны повидаешь, да и заработаешь сколько-нибудь денег. От меня прямо сейчас держи рубль. И это не последний... особенно если на «Чухонце» будешь держать открытыми глаза и уши. А потом я сделаю из тебя человека. Решай.

- Барин, я иудой быть не желаю! - выпалил вдруг Нил.

- А тебе никто и не предлагает. - Граф усмехнулся углом тонкого рта. - Ты книжки о сыщиках читал когда-нибудь? Ксаверия Ропоткина, к примеру? Или Аглаю Мальвинину?

Нил кивнул. В подтибренной им на вокзале в Тюмени корзинке с провизией оказалась книжка Мальвининой, заляпанная соседством с жирными пирожками. Пирожки Нил съел, а книжку прочитал почти всю. Даже жалко было швырять ее в физиономию кондуктора поезда Омск - Екатеринбург, но иначе злой кондуктор настиг бы безбилетника и, надрвав уши, высадил на ближайшем полустанке. А так удалось оторваться и спастись в багажном вагоне.

- Годишься ли ты в сыщики, мы сейчас проверим. Ну-ка повернись к двери! Теперь отвечай как можно подробнее: что лежит на моем столе?

Нил наморщил лоб.

- Значит, так... Хрустальная пепельница с окурками папирос, портсигар серебряный с гербом, гребешок прямой черепаховый, стакан пустой в подстаканнике, носовой платок, стопка бумаги, самопишущее перо, чернильница, точилка для карандашей, карандаш и э-э...

- Что еще?

– Дагерротипный портрет в рамке. На нем какая-то барыня.

– Все?

– Все, барин.

– Для первого раза удовлетворительно. Впредь будь более внимательным. На гребешке несколько волос темно-каштанового цвета, умеренной длины. На столешнице отпечатались несколько совершенно засохших следов от подстаканника, частично перекрывающих друг друга. Кроме того, там имеются несколько мелких стружек, оставшихся от заточки карандаша. Это мелочи, но в нашем деле нет ничего важнее мелочей. Говоря короче, в сыщики-стажеры ты годишься. Дело за твоим согласием.

Мальчишка долго сопел, то и дело зачем-то оглядываясь. Наверное, по закоренелой привычке высматривал, куда бы сбежать. Затем неуверенно кивнул и втянул голову в плечи.

– Ну вот и хорошо. Подай перо и бумагу.

Записка была готова в минуту.

– Спрячь и не теряй. Ну-с, теперь подумаем, как бы мне ненароком познакомиться с этим «разрушителем выделений»...

– С кем, барин? – изумился Нил.

– Не обращай внимания, коллега. Сделаем так...

С дагерротипного портрета на обоих сыщиков чуть насмешливо смотрело прекрасное лицо «барыни» – великой княжны Екатерины Константиновны.

Дочери государя, о которой статский советник Николай Николаевич Лопухин помнил всегда, но мечтать имел возможность лишь изредка.

Цесаревич Михаил Константинович ступил на борт «Победослава» под морозящим дождем. Лицо наследника, к тридцати годам уже одутловатое вследствие разгульной жизни, выражало угрюмую покорность судьбе.

Взвился и поник, намокнув, брейд-вымпел. Флотский оркестр грянул встречный марш. Взвыли трубы. Рывкнул геликон. Турецкий барабан, до последнего момента сберегаемый от дождя под парусиной, бухал мощно и упруго. Мокрые тарелки, издав звон, шипели, как раскаленные.

Выстроенная на шканцах команда кричала «ура».

Наследник престола прибыл в сопровождении внушительной свиты. Пунцовый от волнения капитан Пыхачев бодро отрапортовал о готовности выйти в плавание.

– Сегодня, что ли? – недовольно пробурчал наследник, покачиваясь с пятки на носок. – Говорили же – завтра...

– Так точно, отплываем завтра, ваше императорское высочество.

– Ну, тогда есть время погулять. Устроюсь только. Господа, за мной!

Внутри корабля толпой повалили не только господа, но и дамы. За ними – многочисленные слуги с багажом. Одна из дам, со страусовыми перьями на голове, залиvisto хохотала и била веером по руке щеголеватого адъютанта. Капитан лишь безмолвно разевал рот, как рыба на берегу.

Тем временем из-за надстройки выскользнул Нил. «Девятый слева во втором ряду», – шепнул он барину и опрометью метнулся к сходням. Через две минуты мальчишка был уже на «Чухонце».

В каюте Лопухина ожидало зрелище Фермопил местного значения.

Дверь была нараспашку. Одной рукой верный Еропка держался за подбитый глаз. Другой рукой он пытался преградить дорогу решительно настроенному моложавому господину в придворном мундире, но терпел поражение и уже был оттеснен на середину каюты. За господином, поминутно охая, семенил лысый

старичок-лакей с двумя огромными чемоданами.

– Барин, как же это?! – возопил слуга, увидев Лопухина. – Я им говорю: занято. Они все равно лезут, да неаккуратно как! Фонарь мне поставили.

– Статский советник граф Лопухин, – холодно представился Николай Николаевич незваному гостю. – А вы – камер-юнкер Моллер, если не ошибаюсь? Парле ву франсе? Шпрехен зи дёйч? Ду ю спик инглиш? Тюркче билиёр мусунуз?

– А, Лопухин! – развязно заговорил вторгшийся. – Из Третьего отделения? Приставлены, так сказать, блюсти и охранять? Ха-ха. Что это вы вдруг по-турецки заговорили?

– Был вынужден, ибо русского языка вы, по-видимому, не понимаете, – примораживая взглядом камер-юнкера, отчеканил граф. – Надеюсь, у вас хватит догадливости извиниться за вторжение и немедленно покинуть эту каюту.

– Очень мило! – фыркнул камер-юнкер. – С какой стати? Ваш слуга вполне мог бы разместиться в одной каюте с вами. Где же прикажете путешествовать мне? На мачте, как обезьяна? Благодарю покорно!

– Как вы сказали? Путешествовать?

– Именно путешествовать. Ха-ха. По-моему, это вы не понимаете русского языка. Я состою в свите его императорского высочества и отправляюсь в путешествие вместе с ним.

– Еропка! Помогите этому господину вынести его вещи из моей каюты. В случае упорного противодействия разрешаю применить силу.

– Правда? – обрадовался слуга и поплевал в кулак.

– Только аккуратно. Чтобы не как в прошлый раз.

– Пойдите! – оскорбленно вскинулся камер-юнкер, но граф его уже не слушал. Быстро шагая по коридору, он уловил позади голос Еропки: «Позвольте-ка вам выйти вон, господин хороший». – И голос этот был исполнен недвусмысленности.

Ни тени сомнения не возникло у Лопухина в том, что наглый придворный великого князя сейчас же выйдет вон. Получить от бородатого хама простонародную плюху и стерпеть ее – опозориться на весь белый свет. Избить слугу? Дудки, Еропка сильнее. А застрелить – кишка тонка у придворного хлюста. Убоится каторги.

Следующие пять минут граф разыскивал капитана Пыхачева. Капитан был в панике и сейчас же сделал попытку направить Лопухина к вахтенному начальнику.

– Извините, без вас никак не обойдется, – отрезал граф. – Вам известно, что творится на корвете? В армии это называлось просто: бардак. А вы знаете, что не далее как минуту назад от одного из ваших матросов я услышал слова «придворная шваль»?

– От кого? – выпучивая глаза, закричал Пыхачев. – Кто посмел?

– Ну, этого я вам не скажу. Замечу лишь, что ваше дело не допускать подобного настроения умов среди экипажа. Короче говоря, все эти господа и сомнительные дамы должны быть немедленно удалены с корвета вместе с их слугами и багажом. Вам понятно?

Непреклонный тон графа подействовал на капитана лишь на самое краткое время.

– Николай Николаевич! – сказал он с мукой в голосе. – Поймите хоть вы меня... Ну нет у меня полномочий высадить их всех! Свита наследника все же! И брать их с собой я не могу: во-первых, им негде разместиться, а во-вторых...

– Достаточно и «во-первых». Пойдемте-ка к цесаревичу. Если у вас нет полномочий, то у меня они имеются. Вам предписано оказывать мне содействие. Поверите на слово? Бумагу я вам потом покажу, время дорого. Идемте же!

Наследник обживался в каюте. Лопухина он встретил крепким запахом спиртного и прищуренным взглядом:

– А, это вы... Где-то я вас видел, а вот где?.. Но это неважно. Тяпнуть хотите? Я тоже, ха-ха. А мои запасы, представьте себе, еще не доставлены. Вот что, сбегайте-ка в буфет за коньяком. Я уже послал туда лакея, да он что-то не торопится... Никого здоровье наследника не интересует, тирьям-пам-пам. Никому я не нужен, никто меня не любит, кроме девок, да и те не любят. Папа за море отсылает, я умру в дороге, я знаю... Э! Вы еще здесь?..

– Ваше императорское высочество! – твердым голосом заявил Лопухин. – Капитан имеет приказ принять на борт только двух человек из вашего э-э... сопровождения. Конкретно: дворецкого и камердинера. Всем остальным придется сойти на берег.

– Как это? Почему?

– По приказу его императорского величества.

– А, так это папа вас ко мне приставил? Послушайте, как вас... но ведь это нечестно! Это нестерпимо, наконец! Я вам не какой-то какой-нибудь! Я не могу один, у меня двор...

– Который останется в Петербурге, ваше императорское высочество, – с легким поклоном закончил Лопухин.

– Это что же – без друзей? – осунулся наследник. – Да вы цербер! А девочки? Тоже ни одной?

Цербер был непреклонен, да еще и дерзок:

– Девочки также сойдут на берег. Женщина на корабле – дурная примета, разве вашему императорскому высочеству это неизвестно?

Наследник уронил голову.

– Один, – обиженно пробормотал он. – Совсем один...

– С дворецким, камердинером и со мною, ваше императорское высочество.

– С вами? Да вы же не пьете, я вижу. По девочкам небось тоже не ходок, а? Может, хоть в карты играете?

– Играю, но без азарта.

– Фу-ты ну-ты... Значит, все-таки один. Один, как перст...

– Мне не хотелось бы применять полицейских мер, – веско проговорил Лопухин, дождавшись, когда пригорюнившийся наследник перестанет мотать головой. – Вы должны убрать свою свиту с корвета сами. Вас они послушают. Иначе, боюсь, может выйти конфуз для царствующего дома, а главное, лично для вас. Вы меня понимаете?

– Вы цербер. Змея. Удав. Зачем вы меня гипнотизируете?

– Вы понимаете меня или нет?

– Нет. И не желаю понимать! Если вы собираетесь выгнать с корабля моих друзей – выгоняйте их сами. И оставьте меня, если не хотите сбегать за коньяком!..

– Отлично-с. Однако я должен предупредить ваше императорское высочество, что корабельный буфет заперт по моему распоряжению. Ключ у меня и до отплытия не будет выдан никому.

– Что-о? Убирайтесь вон!

Отвесив наследнику легкий поклон, Лопухин вышел. Пыхачев давно уже стоял в коридоре ни жив ни мертв и обильно потел.

– Что вы натворили, Николай Николаевич! – страдальчески прошептал он. – Что теперь будет!..

– Как раз теперь все будет в порядке, – отвечив Лопухин. – Не верите? Пойдемте со мной. Кстати, попрошу у вас ключ от буфета, его в самом деле надо запереть... А, вот и посланный!

Действительно, по коридору спешил важный лакей, прижимавший к ливрее две пузатые бутылки.

Последовало короткое приказание, в ответ на которое лакей возмущенно замотал головой, затем неуловимое движение – и бутылки перекочевали к графу. Лакей молча разевал рот и, кажется, намеревался сползти вниз по переборке.

– Пройдет, – ободрил его Лопухин. – Минут пять поболит и пройдет. Идемте, капитан. Нам следует обсудить кое-что тет-а-тет.

Глава четвертая,

в которой плавание наконец-то начинается, в кают-компании беседуют о кенгуру и папуасах, граф Лопухин предается малоаппетитному занятию, а страдает Еропка

Все оказалось гораздо проще, чем представлял себе капитан Пыхачев.

К полудню расфранченная публика, заполонившая «Победослав» и успевшая довести офицеров до белого каления, сошла на берег. Во главе шествия, увлекая за собой свиту из щеголей-офицеров, дам полусвета и дам вовсе сомнительных, выступал цесаревич Михаил Константинович. Наследник престола бурно жестикулировал и не стеснялся в выражениях.

– Я ему покажу буфет на ключ! – кричал он. – Взойду на престол – в Сибири сгною! Этот сатрап персидский у меня побегаёт с тачкой! Тайная канцелярия! Имел я по-всякому Тайную канцелярию! За мной, господа! Есть на этом острове хоть одно приличное ресторанное заведение? Едем...

Через четверть часа пирс опустел.

– Что же вы раньше не появились, граф? – насмешливо обратился к Лопухину курящий возле фальшборта Розен. – Пропустили интересное зрелище. Или побоялись расправы?

– Побоялся, – кратко ответил Лопухин.

Розен только развел руками:

– Обезоружили вы меня, ничего не скажешь. Ценю откровенность. И, кажется, начинаю постигать ваш замысел. Готов содействовать. Спорю, что знаю кронштадтские кабаки лучше вас. Сейчас вся эта компания направилась не иначе как в «Париж», потом они поедут в «Зюйд-вест», где цыганский хор, потом уж не знаю куда, а закончат непременно в «Мертвом якоре». После полуночи ищите наследника там, не ошибетесь.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

«Галисийка». (Здесь и далее – прим. авт.)

----

Купить: [https://telnovel.com/gromov\\_aleksandr/islandskaya-karta](https://telnovel.com/gromov_aleksandr/islandskaya-karta)

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)